

ПРИДНЕСТРОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ им. Т. Г. ШЕВЧЕНКО
НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ ЛАБОРАТОРИЯ «АРХЕОЛОГИЯ»

ВЫСШАЯ АНТРОПОЛОГИЧЕСКАЯ ШКОЛА

ДРЕВНОСТИ. ИССЛЕДОВАНИЯ. ПРОБЛЕМЫ

Сборник статей в честь 70-летия Н. П. Тельнова

*Под редакцией
В. С. Синики и Р. А. Рабиновича*

Библиотека

stratum

КИШИНЕВ-ТИРАСПОЛЬ
2018

T. G. SHEVCHENKO PRIDNESTROVIAN STATE UNIVERSITY
LABORATORY OF ARCHAEOLOGY

HIGH ANTHROPOLOGICAL SCHOOL UNIVERSITY

ANTIQUITIES. STUDIES. ISSUES

Essays in honour of Nicolai Telnov
on the occasion of his 70th birthday

Edited by
V.S. Sinika and R.A. Rabinovici

KISHINEV-TIRASPOL
2018

70-летию
Николая Петровича Тельнова
посвящается

This issue to 70th anniversary of Nicolai P. Telnov

СОДЕРЖАНИЕ

AD GLORIAM

В. С. Синика (*Тирасполь, Молдова*). К юбилею Николая Петровича Тельнова 11

ЭПОХА ПАЛЕОМЕТАЛЛА

Э. В. Овчинников (*Киев, Украина*). Исследования трипольского поселения
Русановцы в Верхнем Побужье в 2010—2012 гг. 19

И. В. Манзура (*Кишинёв, Молдова*). Расписная керамика позднего энеолита
на поселении Орловка-Картал на Нижнем Дунае 35

С. Н. Разумов (*Тирасполь, Молдова*), **А. Н. Усачук** (*Донецк, Украина*). Комплекс
раннего бронзового века с каменной фигуркой из Северо-Восточного Приазовья . . 49

Г. Л. Евдокимов (†), **Н. М. Данилко**, **С. Ж. Пустовалов** (*Киев, Украина*). Курганы
бронзового века в низовьях Днепра (раскопки Краснознаменной экспедиции
в 1991 г.). 59

С. Д. Лысенко, **С. С. Лысенко** (*Киев, Украина*). Курганная группа 3 Войцеховского
могильника (по результатам исследований 2011—2012 гг.). 89

А. С. Пробейголова (*Киев, Украина*). Поселение эпохи поздней бронзы
Мечетное-2 в среднем течении р. Северский Донец 113

С. С. Лысенко (*Киев, Украина*). Булавки с пластинчатой головкой эпохи
поздней бронзы с территории Украины 125

РАННИЙ ЖЕЛЕЗНЫЙ ВЕК

С. Б. Вальчак (*Москва, Россия*). Новочеркасский клад 1939 г. — эпонимный
памятник предскифского периода 137

В. Б. Панковский (*Киев, Украина*), **С. А. Фидельский** (*Тирасполь, Молдова*).
Систематизация костно-роговой индустрии раннего железного века
Поднестровья (на основе коллекции поселения Чобручи) 147

Д. А. Топал (*Кишинёв, Молдова*). Состав вооружения и возможности культурной
группировки (на материалах скифского времени Карпато-Подунавья) 165

А. Р. Канторович (*Москва, Россия*). Образно-сюжетный репертуар
восточноевропейского скифского звериного стиля: принципы и результаты
классифицирования и кодирования 195

В. С. Синика (*Тирасполь, Молдова*), **Н. П. Тельнов** (*Кишинёв, Молдова*). Скифский
курган 116 первой половины III в. до н. э. у с. Глиное 223

С. В. Полин (*Киев, Украина*). Сарматское завоевание Северного Причерноморья
(современное состояние проблемы). 267

Ю. П. Зайцев (<i>Симферополь, Крым</i>). Комплекс со щитом кельтского типа из некрополя Ак-Кая/Вишенное в Крыму	289
---	-----

М. М. Чореф (<i>Нижневартовск, Россия</i>). Надчеканки на статерах царя Фарзоя как источники исторической информации	319
--	-----

СРЕДНИЕ ВЕКА

И. О. Гавритухин (<i>Москва, Россия</i>), М. М. Казанский (<i>Париж, Франция</i>). О времени появления славян на территории Молдовы	333
---	-----

А. М. Обломский (<i>Москва, Россия</i>). Раннесредневековое поселение Стаево-4 в Верхнем Подонье	355
--	-----

Д. Елинкова (<i>Брно, Чехия</i>). К изучению женских украшений из могильника с трупосожжениями Пржитлуки культуры с керамикой пражского типа	389
--	-----

А. В. Комар (<i>Киев, Украина</i>). Берестяная отделка ножен раннесредневекового меча из Яблони	409
---	-----

А. Тюрк (<i>Будапешт, Венгрия</i>). Восточные корни древневенгерской культуры X в. и средневековая археология Восточной Европы	423
--	-----

С. С. Рябцева (<i>Кишинёв, Молдова</i>). Об особенностях морфологии и декора «волынских серег» с тиснеными подвесками	435
---	-----

Н. А. Плавинский (<i>Минск, Беларусь</i>). Курган 5 могильника Погоща как пример элитарного погребального комплекса конца X — начала XI в. на северо-западе Полоцкой земли	445
--	-----

Р. А. Рабинович (<i>Кишинёв, Молдова</i>). Пруто-Днестровское междуречье в контексте культурно-исторических связей окружающих регионов в середине V — середине XI вв.	465
---	-----

А. А. Романчук (<i>Кишинёв, Молдова</i>). Слово о Суждале: гипотеза О. Н. Трубачева в свете данных археологии, истории и топонимики	483
---	-----

М. В. Цыбин (<i>Воронеж, Россия</i>). К изучению закономерностей формирования русско-кочевнического пограничья в Среднем Подонье в IX—XVII вв.	495
--	-----

Список сокращений.	505
----------------------------	-----

CONTENTS

AD GLORIAM

V.S. Sinica (<i>Tiraspol, Moldova</i>). This issue is dedicated to Nicolai P. Telnov's birthday anniversary	11
---	----

PALAEOMETAL AGE

E. V. Ovchinnikov (<i>Kiev, Ukraine</i>). Research of the Trypillia Settlement Rusanovtsy in the Upper Southern Bug River in 2010—2012.	19
I. V. Manzura (<i>Kishinev, Moldova</i>). Late Eneolithic Painted Pottery at the Settlement of Orlovka-Kartal on the Lower Danube	35
S.N. Razumov (<i>Tiraspol, Moldova</i>), A.N. Usachuk (<i>Donetsk, Ukraine</i>). The Early Bronze Age Complex with a Stone Figurine from the North-East Azov Sea Region	49
G.L. Evdokimov (†), N.M. Danilko, S.Zh. Pustovalov (<i>Kiev, Ukraine</i>). Bronze Age Barrows in the Lower Dnieper Region (excavations of the Krasnoznamenskaya expedition in 1991)	59
S.D. Lysenko, S.S. Lysenko (<i>Kiev, Ukraine</i>). Barrow Group 3 of the Voytsehovka Cemetery (excavations of 2011—2012)	89
A.S. Probeygolova (<i>Kiev, Ukraine</i>). The Settlement of Mechetnoe-2 of the Late Bronze Age in the Middle Donets Area	113
S.S. Lysenko (<i>Kiev, Ukraine</i>). Pins with a Plate Head of the Late Bronze Age from the Territory of Ukraine	125

EARLY IRON AGE

S.B. Valchak (<i>Moscow, Russian Federation</i>). Novocherkassk Hoard of 1939 — an Eponymous Site of the Pre-Scythian Period	137
V.B. Pankowski (<i>Kiev, Ukraine</i>), S.A. Fidelski (<i>Tiraspol, Moldova</i>). A Systematic Outline of Bone and Antler Industry in the Dniester Region Iron Age: some principles from Chobruchi settlement site	147
D.A. Topal (<i>Kishinev, Moldova</i>). The Panoply and Cultural Grouping of Scythian Period in Carpathian-Danube Region	165
A.R. Kantorovich (<i>Moscow, Russian Federation</i>). Imagery Repertoire of the Eastern European Scythian Animal Style: the principles and results of classification and coding.	195
V.S. Sinika (<i>Tiraspol, Moldova</i>), N.P. Telnov (<i>Kishinev, Moldova</i>). Scythian Barrow 116 of the First Half of the 3 rd Century BC Near Glinoe Village.	223
S.V. Polin (<i>Kiev, Ukraine</i>). Sarmatian Conquest of the Northern Black Sea Region (current studies)	267

Yu. P. Zaytsev (<i>Simferopol, Crimea</i>). Complex with a Celtic Type Shield from Ak-Kaya Necropolis in Crimea	289
---	------------

M. M. Choref (<i>Nizhnevartovsk, Russian Federation</i>). Countermarks on Staters of King Pharzoius as Sources of Historical Information.	319
---	------------

MIDDLE AGES

I. O. Gavritukhin (<i>Moscow, Russian Federation</i>), M. M. Kazanski (<i>Paris, France</i>). About the Time of the Appearance of the Slavs in the Territory of Moldova	333
--	------------

A. M. Oblomskii (<i>Moscow, Russian Federation</i>). Early Medieval Settlement Stayevo-4 in the Upper Don Region.	355
---	------------

D. Jelínková (<i>Brno, Czech Republic</i>). On the Issue of Some Female Adornments from a Cremation Cemetery of the Prague-type Pottery Culture in Přítluky	389
---	------------

A. V. Komar (<i>Kiev, Ukraine</i>). Birch Bark Decoration of Scabbard of an Early Medieval Sword from Yablunya	409
--	------------

A. Türk (<i>Budapest, Hungary</i>). The Eastern Origins of the Early Hungarian Culture in 10th Century AD and Medieval Archaeology of Eastern Europe	423
---	------------

S. S. Ryabtseva (<i>Kishinev, Moldova</i>). On the Features of the Morphology and Decor of the “Volhynian Type Earrings” with Embossed Pendants	435
---	------------

M. A. Plavinski (<i>Minsk, Belarus</i>). Barrow 5 of the Pahoshcha Cemetery as an Example of an Elite Burial Complex of the Late 10th — Early 11th Century in the Northwest of Polatsk Land	445
---	------------

R. A. Rabinovici (<i>Kishinev, Moldova</i>). The Prut-Dniester Interfluve in the Context of Cultural and Historical Relations of the Surrounding Regions in the Middle of the 5th — Middle of the 11th Centuries.	465
---	------------

A. A. Romanchuk (<i>Kishinev, Moldova</i>). A Word about <i>Sujdal</i>: a Hypothesis by O. N. Trubachev in the Light of Archeological, Historical and Toponomic Data.	483
---	------------

M. V. Tcybin (<i>Voronezh, Russian Federation</i>). To Study the Regularities of Formation of the Russian-Nomadic Frontier in the Middle Don Region in the 9th — 17th Centuries	495
---	------------

Abbreviations	505
--------------------------------	------------

Д. Елинкова

К изучению женских украшений из могильника с трупосожжениями Пржитлуки культуры с керамикой пражского типа

Keywords: Central and Eastern Europe, Early Middle Ages, Prague-type pottery culture, Přítluky cemetery, cremation graves, contacts, trapezoidal pendants, buckles, amber

Ключевые слова: Центральная и Восточная Европа, раннее средневековье, культура с керамикой пражского типа, могильник Пржитлуки, погребения с трупосожжением, контакты, трапециевидные подвески, пряжки, янтарь

D. Jelínková

On the Issue of Some Female Adornments from a Cremation Cemetery of the Prague-type Pottery Culture in Přítluky

The paper deals with some adornments from cremation graves of the Prague-type pottery culture (PTPC) in Přítluky. Written documents reveal that 3 graves yielded objects identifiable as bronze pendants. One grave contained a trapezoidal sheet-metal pendant with two rows of points at the lower edge, and fragments of another pendant, the second grave most probably contained fragments of a pendant of the same type, and the third grave yielded a part of an unspecified bronze pendant. Similar, mostly undecorated, trapezoidal pendants occurred, sometimes together with large trapezoidal pendants decorated with two rows of tiny points at their lower edge, in contexts of cultures of the Eastern European forest zone since the 5th century. Occurrence of such pendants among the finds of PTPC might represent a contribution of these cultures to emergence of new cultural units during migrations from the east to the west in the 2nd half of the 6th and in the early 7th century. The contacts in opposite west-eastern direction might be indicated by the occurrence of several Merovingian artefacts in Eastern Europe. Attention in this regard has been paid to buckles with trapezoidal shield with crosswise grooves at the base of the tongue, which occur with several cultures of the forest zone and one specimen was also found in a cremation grave of PTPC in the cemetery of Großprüfening, Bavaria.

Д. Елинкова

К изучению женских украшений из могильника с трупосожжениями Пржитлуки культуры с керамикой пражского типа

В статье рассматриваются некоторые украшения из могильника с трупосожжениями Пржитлуки культуры с керамикой пражского типа (ККПТ). По сохранившейся документации бронзовые подвески были идентифицированы в трех могилах некрополя. Одна могила содержала трапециевидную пластинчатую подвеску с двумя рядами точек вдоль нижнего края и фрагменты другой подвески, вторая могила, скорее всего, содержала фрагменты подвески того же типа, в третьей могиле был фрагмент бронзовой подвески, не описанный более подробно. Аналогичные, в основном не украшенные, трапециевидные подвески, иногда вместе с большими трапециевидными подвесками, украшенными двумя рядами мелких точек вдоль нижнего края, находят в контекстах культур лесной зоны Восточной Европы уже с V века. Появление подобных подвесок среди находок ККПТ может показывать роль этих культур в возникновении новых культурных общностей во время миграций с востока на запад во второй половине VI и в начале VII вв. Контакты в противоположном направлении — с запада на восток, могут быть продемонстрированы появлением нескольких вещей меровингского круга в Восточной Европе. Особое внимание обращено на пряжки с рамкой, имеющей форму, близкую овалу, и язычком с трапециевидной площадкой, украшенной поперечным рифлением, которые встречаются в нескольких культурах лесной зоны, а также один экземпляр был обнаружен в погребении ККПТ с трупосожжением на могильнике Гросспруфенинг, Бавария.

В данной статье¹ рассматриваются некоторые предметы из инвентаря культуры с к-

рамикой пражского типа (ККПТ)². В частности, это касается вновь идентифицированных бронзовых подвесок из могильника Пржитлуки (Моравия, Чешская Республика; рис. 2: 4) и некоторых более редких находок, которые

¹ Работа выполнена в рамках программы исследовательской деятельности Института археологии Академии наук Чешской Республики в Брно на 2012—2017 гг. Благодарю Игоря Олеговича Гавритухина за научное редактирование и правку перевода этой статьи, а также за помощь при ее подготовке.

² В восточноевропейской литературе ее обычно называют «пражская культура».

могут помочь проследить связи этой культуры с другими, включая весьма отдаленные.

Пластинчатые подвески, которые являлись, вероятно, частью ожерелья, до недавнего времени были известны в контексте культуры с керамикой пражского типа (далее — ККПТ) на территории Моравии только по находкам в жилище 21 в Мутеницах (рис. 1: 1). Это две «медные» подвески трапециевидной формы (одна сохранилась полностью, и от другой — фрагмент), украшенные тремя рядами пробитых или прессованных³ мелких точек вдоль нижнего края (Klanica 2008: 38, 207 и др., obr. 22: 2, foto 20). Частью ожерелья являлись, вероятно, и три фрагмента спиралей, скорее всего, от подвесок очковидной формы из Микульчиц-Валов. Правда, на этом памятнике они были найдены не в комплексах с керамикой пражского типа, а на участке, где такая керамика присутствовала в разных контекстах, — на северном краю песчаной дюны в центральной части городища, датируемого более поздним временем (Klanica 1995: 382, 423, 433, Abb. 1: Zeitgruppen 1; Profantová 2013: 166—167, obr. 15: 5; Poláček 2008: Abb. 7: 8; Елинова 2015: 125—126).

Недавно по сохранившейся документации бронзовые подвески были идентифицированы мною в трех могилах некрополя с трупосожжениями ККПТ в Пржитлуках, исследовавшегося Йозефом Поуликом в 1950—1954 гг. Пластинчатая подвеска трапециевидной формы и фрагменты происходят из могилы CLXXIX. Обломки, скорее всего, от трапециевидной подвески происходят из могилы CXLIX. Не описанный точнее фрагмент бронзовой подвески был найден в могиле XVII.

Могила CLXXIX (исследования 1952 г.) — ямная. В описании сказано, что среди сожжённых человеческих костей и угольков, зафиксированных на площади 28 × 28 см, в гумусовой насыпи северо-восточного сектора кургана 29 на глубине 50 см были найдены «три фрагмента тонкой бронзовой патинированной проволоки и фрагменты бронзовых пластинок. Один из них имеет трапециевидную форму и украшен двумя рядами мелких проколов. На одном конце он просверлен». Эти предметы, среди тех, что сохранились, не удалось найти, но приведённое выше описание позволяет вполне определённо идентифицировать их как целую трапециевидную подвеску, укра-

шенную вдоль нижнего края двумя рядами прессованных мелких точек, с отверстием для подвешивания в верхней части, а также фрагменты еще как минимум одной, скорее всего, подобной подвески. К сожалению, их размеры неизвестны.

Могила CXLIX (исследования 1952 г.) — урновая. Судя по описанию, «нижняя часть урны в черепках» лежала под насыпью кургана 9. Сожжённые человеческие кости и угольки были разбросаны на площади 60 × 50 см. Из находок в могиле отмечены «бронзовое кольцо из тонкой сильно патинированной проволоки. Концы примыкают друг к другу (диаметр 1,7 см). Часть другого подобного кольца. Малые обломки очень тонко расчеканенных бронзовых пластинок». С большой долей вероятности можно считать, что это фрагменты трапециевидных подвесок и колец для их подвешивания. С ними найдена и «часть железной цепочки, от которой сохранилось одно массивнейшее звено и на нём части двух более тонких звеньев (диаметр звена 1,1 см)». Далее упоминается «стеклянный гомбик», описание которого отсутствует. Затем в описании следует: «от маленького лепного сосуда сохранилось сильно оббитое дно, незначительно вогнутое внутрь и по краю закругленное (диаметр 6,7 см). Материал зернистый, внешняя поверхность красновато-коричневая, внутренняя — черно-серая. Среди других неорнаментированных обломков — один с коническим венчиком». Среди сохранившихся находок описанные найти не удалось. Однако остались рисунки профилей четырех фрагментов (2 венчиков и 2 доньев) от, по крайней мере, двух керамических сосудов, причём приведенному выше описанию вполне соответствуют два фрагмента (рис. 3: 3, 4). «Стеклянным гомбиком» мог быть назван фрагмент серьги со стеклянной бусиной.

Могила XVII (исследования 1951 г.) обнаружена в 8 см над «štěrkem» (вероятно, имелся в виду гравий) в гумусовом слое, в непосредственной близости от могилы XVIII. В описании сказано, что «среди костей, находящихся также рядом с остатками урны, был фрагмент бронзовой подвески, 4 стеклянные бусы и биконическое глиняное пряслице во фрагментах». Часть бронзовой подвески была найдена «вместе с железным кольцом с приплавленной бусиной и фрагментом кости». Среди сохранившихся материалов описанные находки отсутствуют, за исключением остатков урны (рис. 4). Из этих фрагментов реконструируется нижняя часть большого (диаметр дна 10 см) толстостенного (толщина стенок 0,8—1,2 см)

³ Термин применяется условно. Как наносился орнамент из точечных элементов, выпуклых с одной стороны изделия и вогнутых с обратной, — предмет особого обсуждения в каждом конкретном случае.

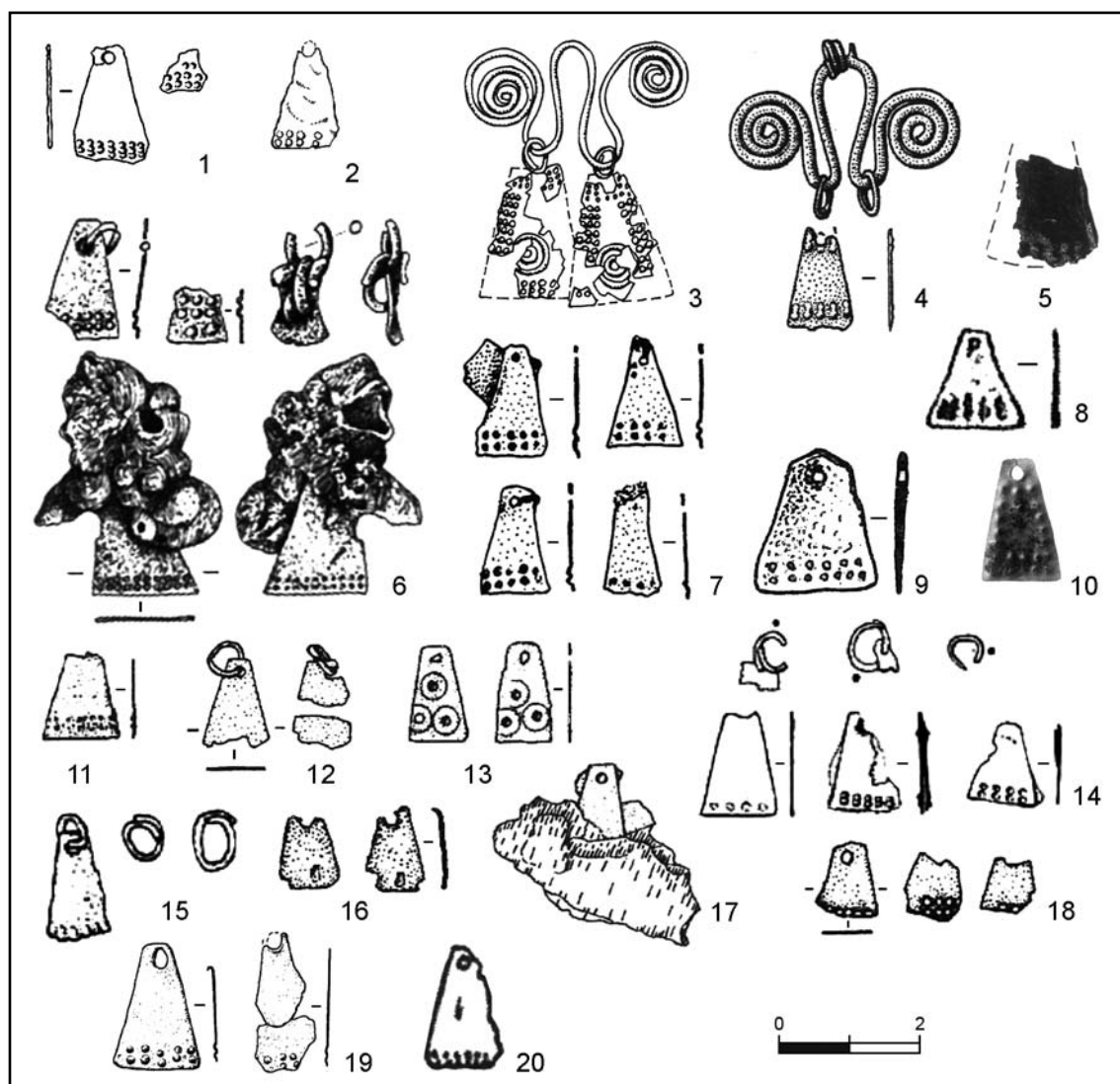

Рис. 1. Малые трапецевидные подвески 2-й половины VI — VII. вв. 1 — Мутенице (по Klanica 2008: obr. 22: 2); 2, 3 — Розтоки (по Профантова 2015: рис. 4: 4; 5: 12); 4 — Гроспрюфенинг (по Losert 2011: Abb. 3: 4, 5); 5 — Колин (по Profantová 2013: obr. 14: 5); 6 — Либерзее (по Bemman, Wesely-Arents: Taf. 59: 3, 16); 7 — Нова-Гута (по Parczewski 1988: рис. 19: 1—4, 8); 8 — Зимно (по Аулих 1972: табл. XII: 22); 9 — Селиште (по Рафалович 1972: рис. 33: 11); 10 — Голубице (по Profantová 2013: obr. 14: 4); 11—18 — Штраубинг (по Geisler 2011: Taf. 68: 257/41—43; 144: 442/63; 183: 500/17; 186: 507/4—5; 200: 563/5; 212: 608/3—4; 242: 685/4—5; 262: 726/7—9; 19 — Оберленц (по Stadler 1998: Abb. 1: 1, 2); 20 — Линц-Цицлау (по Landenbauer-Orel 1960: Taf. 2: 13/8).

Fig. 1. Small trapezoidal pendants from the second half of the 6th and from the 7th century. 1 — Mutěnice (after Klanica 2008: obr. 22: 2); 2, 3 — Roztoky (after Профантова 2015: ris. 4: 4; 5: 12); 4 — Großprüfening (after Losert 2011: Abb. 3: 4, 5); 5 — Kolín (after Profantová 2013: obr. 14: 5); 6 — Nowa Huta-Mogiła (after Parczewski 1988: рис. 19: 1—4); 7 — Liebersee (after Bemman, Wesely-Arents: Taf. 59. 3, 16); 8 — Zimno (after Аулих 1972: табл. XII: 22); 9 — Selište (after Рафалович 1972: рис. 33:11); 10 — Holubice (after Profantová 2013: obr. 14: 4); 11—18 — Straubing (after Geisler 2011: Taf. 68: 257/41—43; 144: 442/63; 183: 500/17; 186: 507/4—5; 200: 563/5; 212: 608/3—4; 242: 685/4—5; 262: 726/7—9; 19 — Oberlien (after Stadler 1998: Abb. 1: 1, 2); 20 — Linz-Zizlau (after Landenbauer-Orel 1960: Taf. 2: 13/8).

сосуда, изготовленного из теста с примесью крупной (диаметром до 5 мм) дресвы. Стенки и слегка вогнутое дно у него неровные, покрыты тонким слоем глины коричнево-серого цвета, который местами ободран. Внутри близ дна цвет поверхности у него местами тёмно-

серый. Судя по описанию, бусы, среди которых некоторые были деформированы в огне, принадлежат к глазчатым. В описании находит упоминут «фрагмент бронзовой подвески», но его характеристика отсутствует (возможно, подвеска была и не трапецевидной).

Рис. 2. Распространение малых трапециевидных подвесок 2-й половины VI — VII вв. (кроме находок из лесной зоны Северо-Восточной Европы и Поднепровья). 1 — Мутенице; 2 — Розтоки; 3 — Колин; 4 — Пржитлуки; 5 — Гроспрюфенинг; 6 — Либерзее; 7 — Нова-Гута; 8 — Либиче-над-Цидлиной; 9 — Зимно; 10 — Селиште; 11 — Голубице; 12 — Штраубинг; 13 — Оберленц; 14 — Линц-Цицлау. Без нумерации — находки из Карпатского бассейна (Алатын, Будапешт, Болы, Дьод, Колкед-Фекетекapu, Орослань, Печь-Козтемето, Покасепетк, Завод, Зоммерейн) и Мазурского поозерья (Гасиор, Камень, Косево, Миентке, Келлары, Тумяны, Лелески). Условные обозначения: а — подвески из закрытых поселенческих и могильных комплексов ККПТ; b — подвески, связь которых с ККПТ вероятна или под сомнением; с — подвески из могил с труположением меровингского круга, Аварского каганата, олштынской группы и др.; d — положение культур и культурных групп лесной зоны.

Fig. 2. Distribution map of the small trapezoidal pendants in the second half of the 6th and in the 7th centuries (without finds from the north-eastern European forest zone). 1 — Mutěnice; 2 — Roztoky; 3 — Kolín; 4 — Přitluky; 5 — Großprüfening; 6 — Liebersee; 7 — Nowa Huta-Mogiła; 8 — Libice nad Cidlinou; 9 — Zimno; 10 — Seliște; 11 — Holubice; 12 — Straubing; 13 — Oberlien; 14 — Linz-Zizlau. Without numbered finds from the Carpathian basin: Alattyán, Bóly, Budapest, Gyód, Kőlked Feketekapu, Oroszlány, Pecs Kőztemető, Pókaszeptek, Závod, Sommerein and Masurian lakeland: Gąsior, Kamień, Kosewo, Miętkie, Kielary, Tumiany, Leleseki. Legend: a — trapezoidal pendants from the settlement and grave context of PTPC; b — pendants with probable or uncertain connection with the PTPC; c — trapezoidal pendants from Merovingian or Avar inhumations and from the inhumations of the Olsztyń group; d — direction of arrow shows the position of the forest-zone cultures.

В ареале ККПТ трапециевидные подвески чаще всего встречаются в контексте селищ (рис. 2). Кроме вышеупомянутого объекта из Мутениц, они найдены в двух объектах (1708 и 1717) ККПТ на селище Розтоки близ Праги (рис. 1: 2, 3; Профантова 2015: 103, рис. 4: 4; 5: 11, 12) и в объекте 2006/V из Колина-над-Лабой (рис. 1: 5; Профантова 2015: 103, рис. 4: 9) (оба памятника — в Чехии). Для трапециевидных подвесок с акро-

поля городища Либиче-над-Цидлиной (Профантова 2015: 103, табл. 2) изображения и описания не опубликованы, а для находки подвески из Голубиц (рис. 1: 10; Профантова 2013: 165, obr. 14: 4; Профантова 2015: 103, табл. 2) не доказано наличие контекста ККПТ (оба памятника тоже в Чехии). В контексте ККПТ интересующие нас находки сделаны в кладе из ямы 45 селища Нова-Гута 62А (рис. 1: 7; Parczewski 1988: 160—161, рис. 19:

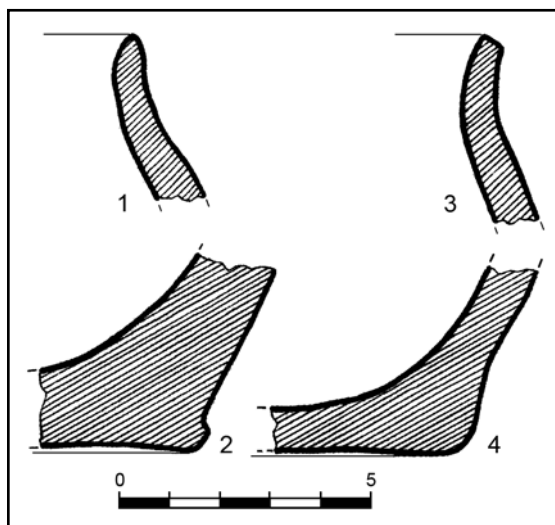

Рис. 3. Пржитлуки, район Бржецлав. Керамика из могилы с трупосожжением CXLIX (по документации Й. Поулика; публикуется впервые).

Fig. 3. Přítluky (distr. Břeclav). Pottery from the cremation grave no. CXLIX (after source materials of J. Poulík, first publication).

1—4) на территории Польши и на городище Зимно (рис. 1: 8; Аулих 1972: табл. XII: 22) на территории Украины. В Селиште на территории Молдовы встречаются находки пеньковской культуры и типичные формы сосудов пражского типа⁴; в публикации трапециевидная подвеска с этого памятника приведена дважды в отличающихся друг от друга рисунках, число таких находок не указано, однако не исключено, что это разные изображения одной вещи (рис. 1: 9; Рафалович 1972a: рис. 3: 5; 33: 11)⁵.

Кроме трапециевидных подвесок из могилы CXLIX (и, возможно, из могил CLXXIX и XVII) в Пржитлуках, бронзовые трапециевидные подвески в контексте ККПТ найдены в погребении 2 (ямном, с трупосожжением) из Гроспрюфенинга (рис. 1: 4; Losert 2011: Abb. 3: 4, 5) на территории Баварии,

⁴ Подробнее о памятнике см. в этом сборнике статью И. О. Гавритухина и М. М. Казанского.

⁵ По мой просьбе И. О. Гавритухин занимался этим вопросом и подтвердил, что, как он и писал раньше (Гавритухин 1997: 45—46), в Селиште была найдена одна такая подвеска. На рис. 3 и 33 в упомянутой книге (Рафалович 1972a) дублируется не только подвеска, но и другие находки из Селиште, несомненно, представленные в одном экземпляре. Кроме того, рис. 33 в этой книге полностью повторяет рис. 10 из опубликованного отчета о раскопках в Селиште (Рафалович 1972b), где трапециевидная подвеска упоминается в единственном числе.

Рис. 4. Пржитлуки, район Бржецлав. Часть сосуда из могилы с трупосожжением XVII (1 — фото М. Баяка; 2 — рисунок С. Плховой с оригинала).

Fig. 4. Přítluky (distr. Břeclav). Part of a vessel from the cremation grave no. XVII (1 — photo by M. Baják; 2 — drawing by S. Plchová; first publication).

в могилах с трупосожжениями 4108 и, вероятно, 2201 в Либерзее на территории Саксонии (рис. 1: 6; Bemman, Wesely-Arents 2005: 308, 334, Taf. 31: 2201/2; 59: 4108/3, 16 — на этих изображениях трапециевидные подвески помещены «вверх ногами»). Из упомянутой могилы 4108 происходит сосуд, украшенный врезным орнаментом в сочетании со штампами, 3 малые бронзовые трапециевидные подвески, украшенные двумя рядами прессованных точек вдоль нижнего края, и меньшие по размерам фрагменты с тремя рядами прессованных точек. Могила 2201 (с сосудом пражского типа) была ввущена в заполнение могилы с труположением 2200 (эпохи Великого переселения народов) и содержала фрагменты бронзовых пластинок, среди которых самый маленький, вероятно, был украшен прессованными точками,

а большие по размерам фрагменты были без орнамента.

С определенной долей допущения, в контексте ККПТ и интересующих нас находок рассматривается еще один тип украшений. Речь идет о височном кольце из объекта 604 селища Розтоки (Profantová 2013: obr. 17: 8; Профантова 2015: 103, рис. 5: 10). Однако височные кольца со спиральным окончанием в Центральной Европе в контексте ККПТ пока неизвестны (3 спиральки из Микульчиц считаются частями подвесок очковидной формы). Представляется, что для рассматриваемого украшения из Розток более вероятно интерпретация как деформированной очковидной подвески. Большая серебряная очковидная подвеска, также деформированная, происходит из Мартыновского клада (Pekarskaja, Kidd 1997: Taf. 1: 31; 7: 2; 8: 2). Височные кольца со спиральным окончанием часто встречаются вместе с очковидными и пластинчатыми подвесками больших размеров в кладах круга Мартыновки⁶ (напр., Корзухина 1996: табл. 17, 18, 49; Гавритухин, Обломский 1996: 49—50, рис. 19; Pekarskaja, Kidd 1997: 30—32, Taf. 1: 4; 2: 87—92). Представляется, что височные кольца со спиральным окончанием, как и большие пластинчатые трапециевидные подвески с разнообразным декором, и очковидные подвески больших размеров, распространенные в Среднем Поднепровье и северо-восточнее его, связаны с другим регионом и другим вариантом женских украшений, чем тот, что интересует нас, о чем писал и И. О. Гавритухин (1997: 47).

На памятниках ККПТ встречаются, главным образом, маленькие трапециевидные подвески, с длиной основания 0,6—1,5 см (рис. 1; Гавритухин 1997: рис. 1: 48—55). Преобладает орнаментация из мелких пресованных точек, расположенных вдоль нижнего края подвески, как правило, в два или три ряда (Розтоки, объект 1708; Мутенице, объект 21; Колин-над-Лабой, объект 2006/V; Нова-Гута 62А, клад в яме 45; Пржитлуки, могила CLXXIX; Гроспруфенинг, могила 2; Либерзее, могила 4108 — подвески с 2 и 3 рядами точек; Зимно — одна из подвесок; Селиште), изредка — в один ряд (например, одна из подве-

сок из Новой-Гуты). Для ККПТ пока уникален декор двух трапециевидных подвесок (длина основания 1,4 см) на очевидном держателе из объекта 1717 в Розтоках — они украшены двумя рядами пресованных точек по периметру и концентрическими кругами в центральной части изделия (рис. 1: 3; Profantová 2013: obr. 12: 2). Также уникальна небольшая подвеска из Голубиц (район Прага-Запад, без контекста находки), украшенная рядами пресованных точек по периметру изделия (рис. 1: 10; Profantová 2013: 165, obr. 14: 4).

Маленькие трапециевидные подвески, в основном с двумя рядами пресованных точек вдоль нижнего края, довольно часто встречаются в могилах с труположением на территории Аварского каганата: Алатын (Kovrig 1963: 115, Taf. XIV: 166/19—21), Болы (Papp 1963: 186, Tab. XXII: 3, 13), Будапешт (Nagy 1998: 29—30, Taf. 34: 14—42; Taf. 141), Дьёдь (Kiss 1977: 40, Pl. VII: 45/1), Колкед-Фекетекапу (Kiss 1996: 100, 142, Taf. 72: A359/4, 5; 94: A539/15), Орослань (Sós 1958: 106, 110 и далее, Abb. 21; Szatmári 1980: 97—102, Abb. 1; 3), Печь-Kёзтеметё (Kiss 1977: 92, 94, Pl. XXXIV: 6/1, 17/1), Покасепетк (Sós 1963: Abb. 11: 10; Sós 1962: 73, 76, Abb. 25: 10), Завод (Kiss, Somogyi 1984: 168, 172, Tábl. 94: 91/3), Зоммерайн (Daim, Lippert 1984: 234, Taf. 60: 93/7).

Значительно реже такие подвески находят в могильниках с труположениями меровингского круга, например, в Штраубинге-Баюваренштрассе, расположенном примерно в 40 км к востоку от Гроспруфенинга (Бавария) (рис. 1: 11—18). Четыре могилы там содержали подвески, украшенные вдоль нижнего края 1—2 рядами пресованных точек (Geisler 1998b: Taf. 68: 257/41—43; 144: 442/63; 200: 563/5; 262: 726/7—9). Из одной могилы две подвески имеют по одной точке (Geisler 1998b: Taf. 212: 608/3, 4), в еще одной могиле найдены две небольшие подвески с концентрическими кругами (Geisler 1998b: Taf. 186: 507/4, 5). В двух могилах, учитывая фрагментарность находок, нельзя определить, были ли подвески орнаментированы (Geisler 1998b: Taf. 183: 500/17; 242: 685/4, 5).

В могиле с труположением 13 на баюварском могильнике Линц-Цицлау (Верхняя Австрия), в районе таза погребенного, в остатках сумки или мешочка были найдены бронзовая трапециевидная подвеска, украшенная вдоль нижнего края двумя рядами пресованных точек (рис. 1: 20; Ladenbauer-Orel 1960: 32—33, Taf. 2: 13/8), три бронзовые подвески продолговатой формы и две римские монеты

⁶ В восточноевропейской литературе их также называют «первой группы днепровских раннесредневековых кладов (по О. А. Щегловой)», «антские» (и в кавычках или без них) и т. п. Я считаю, что употребляемый И. О. Гавритухиным термин «клады круга Мартыновки» понятен максимально широкому кругу археологов.

с отверстием для подвешивания. Эта могила датируется VII веком.

Две трапециевидные подвески, украшенные вдоль нижнего края двумя рядами точек, были найдены и на позднеантичном могильнике Оберлиенц–Лампрехтсгартен (рис. 1: 19; Stadler 1998: 20, Abb. 11: 1, 2) в Восточном Тироле. Они были обнаружены близ одного из черепов в коллективной могиле 8, которая расположена выше других и является самой поздней. Могила датируется концом VI века. В связи с этим интересно, что в заполнение расположенной недалеко могилы с трупоположением 9 была впущена могила с трупосожжением (Stadler 1998: 17; Losert 2011: 476), которую на этом могильнике, конечно, можно считать чужим элементом.

Ряд находок трапециевидных подвесок в Чехии датируется по составу комплексов (Profantová 2013: 174, obr. 16; Профантова 2015: 101–102, 104–105, табл. 1). Объект 1717 в Розтоках относится, судя по керамическому материалу, к первой (древнейшей) фазе (RI) существования этого селища, датированной на основе ^{14}C последней третью VI — 1-й третью VII вв. Причем данный объект, вероятно, перестал функционировать уже около 600 г., не позднее 620 г. Объект V/2006 из Колина также принадлежит, судя по керамическому материалу, к первой фазе ККПТ на территории Чехии. Объект 1708 из Розток из-за малого количества керамики датируется в рамках фазы I—II чешской шкалы.

Датировка могил с трупосожжением CLXXIX, CXLIX и XVII из Пржитлук пока предварительная. В связи с тем, что как сами подвески, так и другие находки нет возможности изучать по оригиналам, дату могил CXLIX и XVII можно обсуждать только на основе керамики, причём из могилы CXLIX доступны только рисунки профилей (рис. 3) и описание керамических фрагментов. Нижняя часть сосуда из могилы XVII (рис. 4) по морфологии и по составу керамического теста относится к первой фазе ККПТ на территории Моравии, соответствующей первой фазе селища Павлов–Горне-поле, для которой в жилище 953 с помощью ^{14}C получена дата около рубежа VI и VII веков (Jelínková 2012: 16). Аналогично датируется и керамика из могилы CXLIX.

Эту дату подтверждает и сравнение общего характера могилы CLXXIX из Пржитлук с могилой 2 из Гроспрюфенинга. В обоих случаях это были ямные могилы с трупосожжением и небольшими трапециевидными подвесками, украшенными вдоль нижнего края

двумя рядами прессованных точек. Также и три фрагмента тонкой бронзовой проволоки из могилы CLXXIX в Пржитлуках могли принадлежать украшениям, аналогичным двум проволочным подвескам очковидной формы из могилы 2 в Гроспрюфенинге, датированной, вместе с другими погребениями этого могильника, 3-й третью VI века (Losert 2011: 476). Конечно, к вопросу о датировке рассматриваемых могил из Пржитлук надо в будущем вернуться в контексте общего анализа находок на этом некрополе.

Общая ситуация на могильнике Гроспрюфенинг, по мнению Г. Лосерта, позволяет сделать вывод, что могилы здесь были оставлены группой людей, пришедшей из Среднего Подунавья или из регионов, расположенных севернее Черного моря, а на запад они ушли ещё до утверждения аварской власти в Карпатском бассейне в 568 г. Могильник находится в непосредственной близости от Регенсбурга, и пришельцы не могли поселиться здесь без разрешения того, кто владел расположенной поблизости крепостью (первоначально римской) Кастра-Регина и её округой. По мнению упомянутого автора, им являлся, вероятно, один из баюварских герцогов, которому была подчинена вооружённая «раннеславянская элита», скорее всего, в роли его союзников. Эта группа, находясь в чуждой культурной среде, использовала могильник, судя по количеству погребённых, по крайней мере, в течение жизни одного поколения, т.е. на протяжении нескольких десятилетий. Она сохраняла свои обычаи и инвентарь, типичные для Восточной Европы, весьма ограниченно воспринимала воздействие окружающей их чуждой среды меровингского круга. Особенно показательно строгое соблюдение обряда трупосожжения, кардинально отличающегося от трупоположения, господствовавшего в округе. Кроме того, могилы характеризуются бедностью инвентаря. Хотя это, может быть, длилось сравнительно недолго, мы видим, что две очень разные культурные традиции могли параллельно сосуществовать без того, чтобы произошла более интенсивная аккультурация с одной или другой стороны или исчезновение одной из традиций (Losert 2011: 483–484).

Датировке и изучению контекста трапециевидных подвесок в Центральной Европе вне Карпатской котловины способствуют также находки в восьми упомянутых могилах из Штраубинга–Баюваренштрассе. Судя по положению на скелетах, большинство интересных нас подвесок относится к ожерельям, состоявшим также из стеклянных бус.

В неповреждённой и сравнительно богатой могиле 500, кроме не менее, чем двух трапециевидных подвесок (прикипевших к железному предмету), две большие серебряные позолоченные фибулы, украшенные в техниках кербшнит (орнамент в виде плетенки) и ние-ло, и другие предметы были найдены среди бедренных костей (Geisler 1998a: 183; 1998b: Taf. 182—183). Этот комплекс датирован 3-й третью VI — началом VII вв. (Losert 2011: 476).

Вопрос о том, являются ли находки интересующих нас подвесок в могилах с трупоположением свидетельством экзогамии или контактов двух различных культурных традиций в Нижнебаварском регионе (между Регенсбургом и близлежащим Штраубингом), пока остается открытым.

Тот факт, что носители ККПТ на территории Чехии и Моравии использовали малые трапециевидные подвески (по-видимому, вместе с другими пластинчатыми и проволочными украшениями) как часть женского убора уже на самой ранней фазе ККПТ (в рамках 3-й трети VI в.), т.е. во время освоения славянами этого региона, вызывает ряд вопросов. Они касаются интерпретации культурных изменений, которые произошли именно в это время на огромном пространстве Центральной и Восточной Европы.

К изучению интересующих нас подвесок обращались многие исследователи, причём большинство из них пришло к выводу, что именно с позднего VI в. подвески трапециевидной и очковидной формы получают распространение в результате процессов, охвативших широкий круг культур Восточной и Центральной Европы. М. Парчевский находил прототипы этих украшений в зарубинецкой культуре и на территории современной Литвы, для более позднего времени — в киевской культуре. В VI—VII вв. такие подвески распространились необычайно широко — от Верхней Волги на северо-востоке через Поднепровье и Поднестровье до Среднего Подунавья на западе, причем в среде различных этнических групп: у балтов, финно-угров, славян, на могильниках Аварского каганата и германского круга (Parczewski 1988: 82—84, obr. 19: 1—4). И.О. Гавритухин возражает исследователям, которые считали, что трапециевидные подвески (так же, как, например, и очковидные) в Подунавье могут быть показателями именно славянской культуры. По его мнению, украшения этого круга здесь следует связывать с традициями северо-восточного, лесно-

го мира Европы, но не сомневается, что славяне сыграли в этом контексте важную роль. Контакты разной интенсивности и в различных направлениях на протяжении 3-й трети VI и большей части VII вв. и привели к широкому распространению трапециевидных подвесок и некоторых других типов украшений (Гавритухин 1997: 45—46, 48).

Особое внимание многие исследователи уделяли подвескам из Среднего Поднепровья и примыкающих к нему более восточных и северных регионов. Трапециевидные подвески довольно крупных размеров, сделанные нередко из серебра, встречаются здесь вкладах круга Мартыновки вместе с очковидными и другими подвесками, большими пальчатыми фибулами, шейными гривнами, браслетами и прочими деталями местных уборов (Казанский 2014: 53 и далее; там же литература). Соккрытие этих кладов практически все современные восточноевропейские исследователи датируют около 2-й или 3-й четверти VII в.

Много внимания уделялось также находкам из могил с трупоположением в зоне Аварского каганата. Здесь малые трапециевидные подвески, составляющие вместе с другими типами украшений ожерелья, характерны для ряда сравнительно богатых женских погребений, датированных в основном т.н. раннеаварским периодом — от 568 г. до середины VII в. (Garam 2001: 45—46, Tab. 23, 24), хотя встречаются до начала VIII в. (например, в Зоммерейне). Э. Гарам высказала мнение, что разнообразные бронзовые и серебряные пластинчатые подвески, включая трапециевидные, нельзя связывать с традициями восточных групп славян и называть их «антские древности» (ср. точки зрения М. Парчевского и И.О. Гавритухина), принесенные из Среднего Поднепровья в Подунавье (Garam 2001: 45—46). По её мнению, аналогичные части ожерелий в этих регионах имеют корни в византийском художественном ремесле. Их изготовление на основе принципа *imitatio imperii* было требованием варварских элит, в Среднем Подунавье — элит Аварского каганата.

Н. Профантова, в связи с оценкой подвески очковидной формы с двумя пластинчатыми трапециевидными привесками из объекта 1717 в Розтоках, также пишет о «византийском» культурном импульсе, но не утверждает, что это импорт из Византии. По её мнению, рассматриваемый тип ожерелья, не производившийся из благородных металлов, пользовался широким спросом со стороны не только носи-

телей раннеславянской культуры (Profantová 2013: 176).

В Мазурском поозерье, в западнобалтской культурной среде позднего VI — VII вв. трапециевидные подвески и некоторые другие изделия занимали как бы изолированное положение (из недавней литературы см.: Hilberg 2009; Rudnicki 2010). Здешнюю культуру характеризуют связи с отдалёнными регионами, которые проявлялись во ввозе ряда украшений и их местной имитации. Это рассматривается как следствие активных контактов со Средним Подунавьем, культурами меровингского круга, Скандинавией, по-разному проявлявшихся на различных стадиях развития культуры населения Мазурского поозерья. На ее поздней фазе, в рамках т.н. Ольштынской группы (3-я треть VI — VII вв.) значительно усиливает компонент, который В. Хильберг называет «местным», характерным для восточноевропейской лесной зоны. Зона распространения этих вещей охватывает обширные пространства, включая Среднее Поднепровье и Центральную Европу. Трапециевидные подвески, наряду с так называемыми славянскими пальчатыми фибулами и другими характерными украшениями, по мнению В. Хильберга, использовались жителями Мазурского поозерья как сознательное выражение их новой культурной идентичности, что стало причиной постепенного исчезновения деталей убора, характерных для предыдущей фазы развития их культуры. Происхождение трапециевидных подвесок автор связывает с лесной зоной северо-восточной части Европы (Hilberg 2009: 299, 342).

По мнению М. Рудницкого, появление трапециевидных подвесок в ольштынской группе отражает трансрегиональные, далекие связи со славянской средой между Днестром и Дунаем. Контакты с Поднепровьем могли проходить по путям, идущим через север Мазовии, Западный Буг и Припять. Существенное изменение характера находок в Мазурском поозерье с 4-й четверти VI в. можно связать с расселением в Карпатском бассейне славян и аваров после поражения гепидов в 568 г. (Rudnicki 2010: 681—682, табл. II).

Распространение трапециевидных и других подвесок этого же круга в среде разных культур, как и вариативность этих украшений, указывают на сложность функционирования тогдашних сообществ, различие исторических контекстов, многообразие контактов между культурами и этническими группами.

И. О. Гавритухин выделил несколько серий и вариантов трапециевидных подвесок

Восточной и Центральной Европы VII—X вв. Картографирование показало, что определенные разновидности этих украшений связаны с различными территориальными и культурными контекстами (Гавритухин 1997: 44, рис. 1; 2). Он отметил, что трапециевидные подвески из кладов круга Мартыновки отличаются от тех, что найдены в Центральной Европе, большими размерами, разнообразием форм и декора. Вероятно, эти, по стилю однородные, украшения связаны и с разной структурой женского убора. Лишь одна находка из клада круга Мартыновки (из Нижней Сыроватки) близка находкам в Среднем Подунавье и на памятниках ККПТ (Гавритухин 1997: 47, рис. 1: 18; 2: 36). То есть трапециевидные подвески в Центральной Европе появились не из Среднего Поднепровья, как считали многие исследователи.

Типологически наиболее близкие между собой маленькие трапециевидные подвески с полоской из точек по нижнему краю И. О. Гавритухин отнес к дунайско-висленской серии, представленной в некоторых могилах с труположением в зоне Аварского каганата и на востоке культур меровингского круга, а также на ряде памятников ККПТ (Гавритухин 1997: рис. 1: 28—55; 2: а; №1—12 по каталогу и карте). На севере вещи этой серии достигают Мазурского поозерья (Гавритухин 1997: 49, рис. 1: 24—27; 2: 14—15). Это отражает, по мнению исследователя, трассы культурных контактов от Среднего Подунавья через Моравские ворота, затем по Висле, уходя на Мазурское поозерье, откуда контакты шли к Верхнему Днепру и далее на восток (Гавритухин 1997: 47—48, 50, рис. 2: а, б). Учитывая, что во всех упомянутых культурах нельзя проследить возникновение рассматриваемых украшений, встает вопрос — где они возникли? Автор, исходя из доступных тогда материалов, пришел к выводу, что это должна быть лесная зона Восточной Европы, возможно, в районе между Неманом и Верхним Днестром, хотя этому и нет прямых доказательств (Гавритухин 1997: 48).

На работу И. О. Гавритухина опирался М. Казанский, который привел список находок (включая трапециевидные подвески) VII — начала IX вв., по его словам, подунайского происхождения, в ряде культур восточноевропейской лесной зоны (Kazanski 2000: 29, 38—40, Fig. 6). Он пришёл к выводу, что распространение таких находок в лесную зону в течение VII в. стало результатом контактов этого региона со Средним Подунавьем.

Недавно опубликованные находки трапециевидных подвесок (включая комплексы) с памятников ряда культур лесной зоны Восточной Европы (и пересмотр их хронологии) дают новые возможности для решения вопросов датировки и происхождения интересующих нас подвесок.

Недавно И. В. Белоцерковской было опубликовано большое количество малых (в основном неукрашенных) бронзовых трапециевидных подвесок из могил с трупоположением на могильниках Заречье и Кораблино, относящихся к культуре рязано-окских могильников в среднем течении Оки (Белоцерковская 2014: рис. 1: 37, 43; 3: 25—27, 47; 4: 5, 39; 5: 9, 22, 35, 50, 56; 6: 24). Они использовались как части ожерелья, украшений головы и одежды. Особенно важен комплекс из погребения 16 могильника Кораблино, содержащий не только неукрашенные трапециевидные подвески, но и две такие подвески, украшенные вдоль нижнего края двумя рядами точек (рис. 5: 13—15), а также нагрудную бляху с крышкой, ожерелье, перстни, наконечник и другие вещи, датирующие комплекс V веком (Белоцерковская 2014: 203, рис. 3: 21—37). Трапециевидные подвески высотой 1—1,5 см, которые были пришиты к одежде, составляли часть ожерелья и/или украшения головы, происходят и из других могильников этой культуры, например, из комплексов Никитинского могильника, датированных 2-й половиной V — рубежом V и VI вв. (Воронина, Зеленцова, Энгватова 2005: 67, 79—81, рис. 36: 1).

В мощинской культуре (III—VII вв., бассейн верхнего течения Оки), кроме больших (в т. ч. ранних) экземпляров, теперь стали известны и маленькие бронзовые трапециевидные подвески. Для датировки последних важна маленькая неукрашенная трапециевидная подвеска (рис. 5: 12), найденная, вместе с вариантом местной фибулы типа Картавецко — Серенск, лощеной и грубой лепной керамикой, включая фрагмент сковородки, на Акиншинском городище в объекте 2а, датированном серединой V в. (Воронцов 2016: 225, рис. 9).

Срединой I тыс. датированы и некоторые неукрашенные трапециевидные подвески, найденные на поселениях культуры длинных курганов (Михайлова 2014: 100). Две трапециевидные подвески с Дьякова городища (давшего название дьяковской культуре), украшенные двумя рядами точек, датированы не позднее VII в. (Гавритухин 1997: 48, рис. 1: 23; Кренке 2016: 281; Kazanski 2000: Fig. 6: 28).

Трапециевидные подвески стали известны и на Верхнем Дону, на памятниках типа Чертовское — Замятино (конец IV — V вв., вероятно, исключая конец V столетия). На поселении Ксизово-19, в том числе в зоне разрушенных погребений (могильник с трупоположениями типа Животинное), датированных по фибулам (в т. ч. дунайских типов) поздней частью указанного хронологического отрезка, найдено 11 неукрашенных бронзовых трапециевидных подвесок (рис. 5: 1—11; Обломский, Козмирчук 2015: 148, 157, рис. 236: 1—11; Обломский 2015: 298, рис. 324: 4—6). Четыре из них удлиненные (высота 1,6—2,5 см, ширина основания 1,1—1,3 см), остальные — более низкие, иногда с высотой, равной длине основания; некоторые из них имеют кольца для подвешивания.

Связь малых трапециевидных подвесок культур лесной зоны Восточной Европы или лесостепи Верхнего Подонья с подвесками из расположенного почти на 1000 км к западу Мазурского поозерья может быть предметом обсуждения. Это касается и вопроса их соотношения с гораздо более удаленными находками из Центральной Европы (рис. 2). Объяснений широкому распространению этих украшений можно назвать много, в том числе — связывать его с изменениями, которые произошли в результате миграций в течение 2-й половины VI — середины VII вв. В их числе — движение различных этнических групп, в том числе славян, на запад, что привело к формированию новой этнокультурной картины вплоть до части культур меровингского круга. Малые трапециевидные подвески, связанные с традициями некоторых культур лесной зоны (в отличие от больших, характерных для кладов круга Мартыновки), могли появиться западнее посредством таких миграционных волн.

Новая культурная ситуация и конфигурация связей прослеживается и под влияниями, идущими в конце VI и VII вв. с запада на восток. Например, появление в лесной зоне Восточной Европы вещей, обычных в культурах меровингского круга.

Примером контакта двух различных культурных миров («северо-восточного» и меровингского) прямо в Подунавье является пряжка, найденная в могиле с трупосожжением 6 раннеславянского могильника Гросспрюффенг (рис. 6: 1; 7: 1; Losert 2011: 478 и далее, Abb. 5: 1), о котором уже шла речь. Такие пряжки, с рамкой, имеющей форму, близкую к овалу, и язычком с трапециевидной площадкой, украшенной поперечным риф-

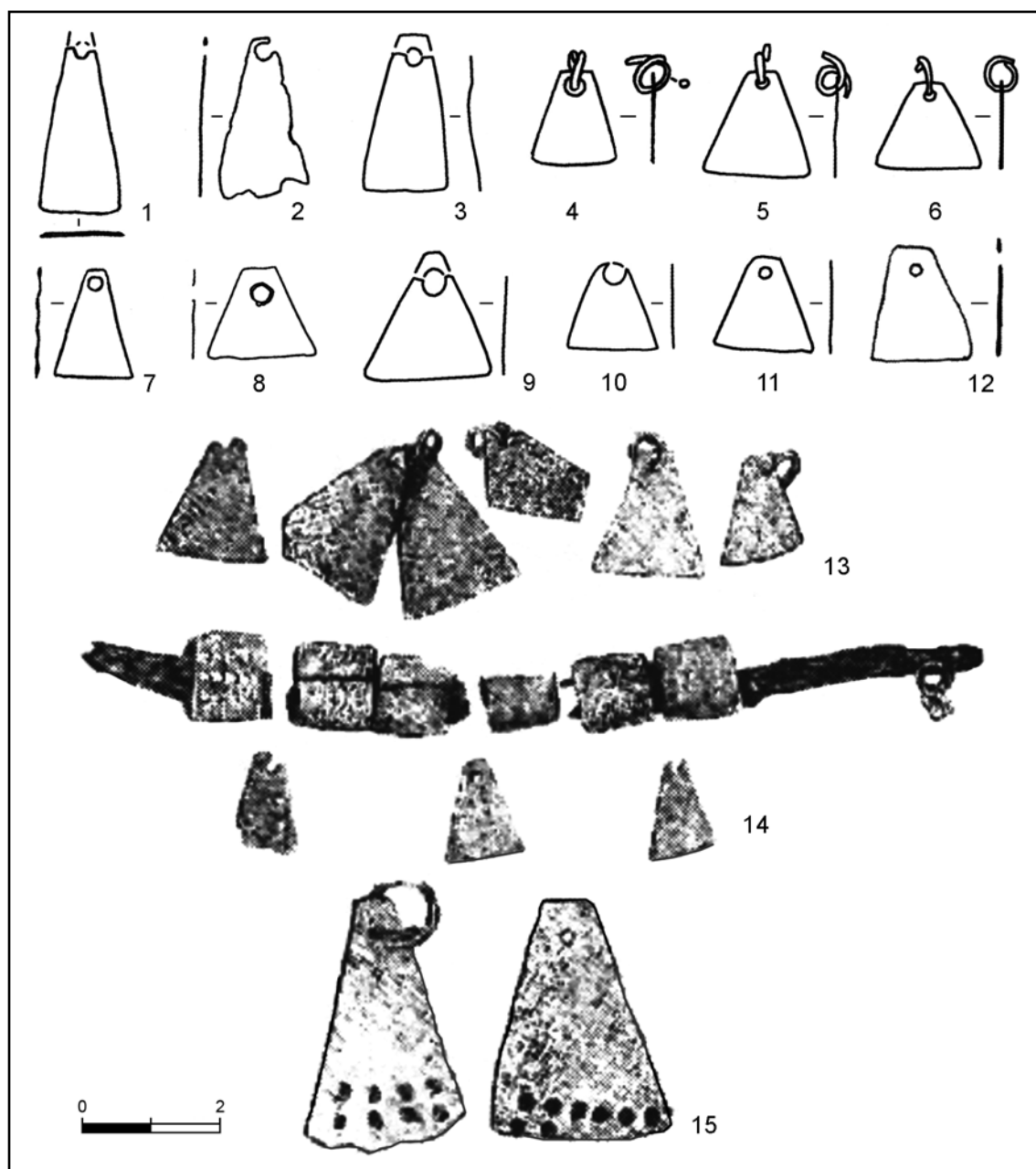

Рис. 5. Трапецевидные подвески V века. 1—11 — Ксизово-19 (по Обломский, Козмирчук 2015: рис. 236:1—11); 12 — Акиншинское городище (по Воронцов 2016: рис. 9: 5); 13—15 — Кораблино, погребение 16 (по Белоцерковская 2014: рис. 3: 25—27).

Fig. 5. Trapezoidal pendants dated from the 5th century. 1—11 — Ksizovo 19 (after Обломский, Козмирчук 2015: ris. 236:1—11); 12—Akinshino hillfort (after Воронцов 2016: рис. 9: 5); Korablino 16 (after Белоцерковская 2014: рис. 3: 25—27).

лением, на территории Моравии в контексте ККПТ пока не известны, но такой экземпляр найден в Голубицах (район Брно—Пригород) в лангобардской могиле 30 с трупоположением (рис. 6: 3; 7: 4; Čižmář 1997: obr. 3; 2011: 146, Taf. 12, 30/1), датированной 2-й половиной VI в. (Tejral 2011: 70). Пряжки этого типа, часто с отдельной накладкой на пояс, в весьма большом количестве представлены в мо-

гилах с трупоположением на территории Германии (например, рис. 6: 6; Koch 2001: 62, 296—297, 437, Taf. 30: A4—5, Abb. 23: M54), есть они и на территории Франции (например, рис. 6: 7; Guillaume 1975: 250, 331, fig. 22: 115/7).

Восточнее такая же пряжка была найдена на могильнике Тумяны в Мазурском поозерье (рис. 6: 5; 7: 6; Исланова 2016: рис. 22: 6; 1997:

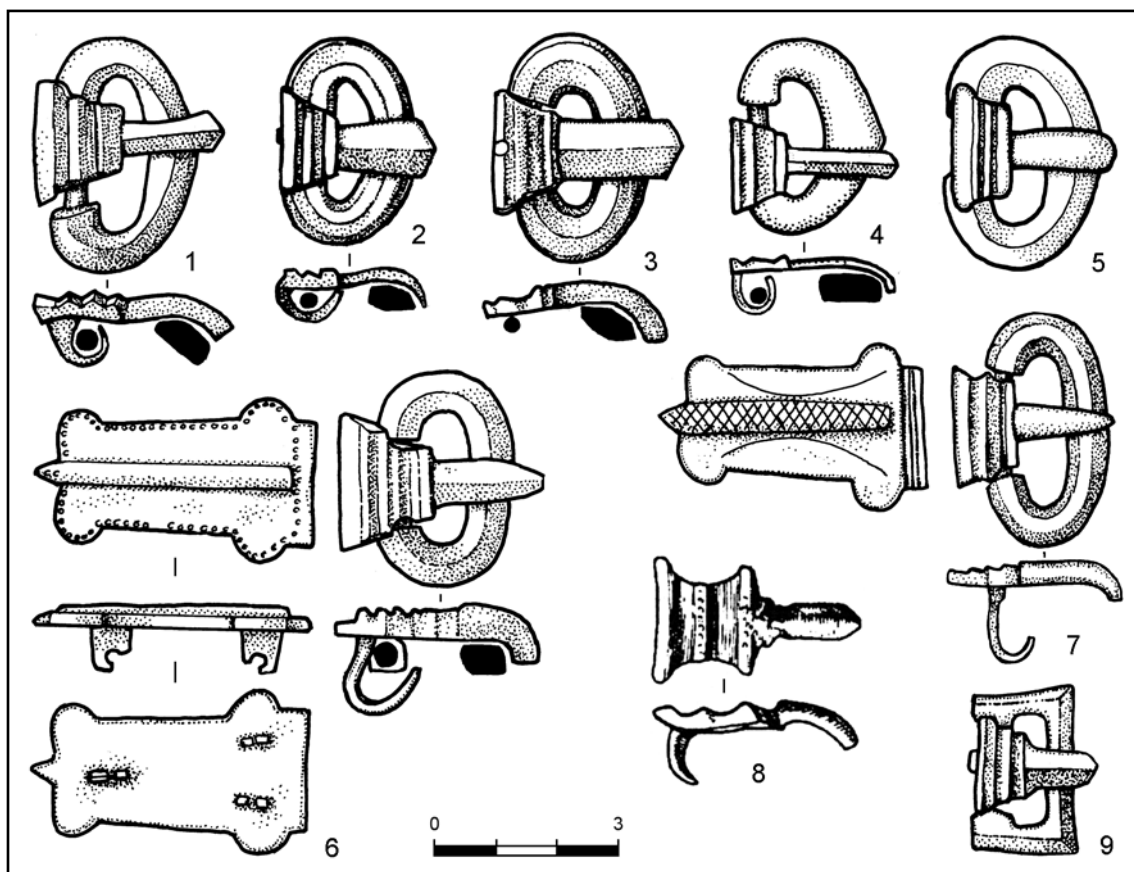

Рис. 6. Пряжки с язычком с трапецевидной площадкой, украшенной поперечным рифлением. 1 — Гросспрюфенг (по Losert 2011: Abb. 5: 1); 2 — Юрьевская Горка (Стан) (по Исланова 1997: рис. 73: 15); 3 — Голубице (по Čižmář 2011: Taf. 12: 30/2); 4 — Рысна-Сааре II (по Исланова 2016: рис. 22: 6); 5 — Тумяны (по Кулаков 1989: рис. 35: 2); 6 — Плейдельсхайм (по Koch 2001: Taf. 30: 76/4, 5); 7 — Дие/Мёз (по Quillaume 1974/5: Fig. 22: 115/7); 8 — Великие Будки (по Горюнова 1992: рис. 1: 5); 9 — Зимно (по Аулих 1972: табл. XI: 12).

Fig. 6. Samples of buckles with trapezoidal shield with crosswise grooves at the base of the tongue. 1 — Jurjevskaja Gorka (Stan) (after Исланова 1997: рис. 73: 15); 2 — Holubice (after Čižmář 2011: Taf. 12: 30/2); 3 — Großsprüfening (after Losert 2011: Abb. 5: 1); 4 — Rysna Saare II (after Исланова 2016: рис. 22: 6); 5 — Tumiany (after Кулаков 1989: рис. 35: 2); 6 — Pleidelsheim (after Koch 2001: Taf. 30: 76/4, 5); 7 — Dieue/Meuse (after Quillaume 1974/5: Fig. 22: 115/7); 8 — Velikije Budki (after Горюнова 1992: рис. 1: 5); 9 — Zimno (after Аулих 1972: табл. XI: 12).

46; Кулаков 1989: 190, рис. 35: 2) и в одном из объектов на селище Юрьевская Горка, относящемся к культуре раннеславянского круга на Верхней Волге (рис. 6: 2; 7: 7; Исланова 1997: 35, 46, рис. 73: 15, 77: 5; 2016: 158, рис. 46: 4). И.В. Исланова отметила их аналогичию и из могильника культуры длинных курганов в Рысна-Сааре II на территории Эстонии (рис. 6: 4; 7: 8; Исланова 2016: рис. 22: 6; Михайлова 2014: рис. 4: 4), связываемой рядом исследователей со славянами. Правда, эта пряжка имеет несколько иную форму рамки. Пряжки из Рысна-Сааре II и Юрьевской Горки рассматривал и М.М. Казанский (Казанский 1999: 404, рис. 1: 8; Kazanski 2000: 24, fig. 4: 15), в этой связи он обратил внимание и на сходство некоторых керамических форм из Юрьевской Горки и ККПТ (Kazanski 2000:

24, Fig. 4: 18—22), что обсуждалось в ином контексте и ранее.

Язычок, такой же, как у интересующих нас пряжек, но в сочетании с четырёхугольной рамкой, известен и на памятнике ККПТ — городище Зимно (рис. 6: 9; 7: 5; Аулих 1972: 61, табл. XI: 12). Аналогичный рассматриваемым гранёный клювовидный язычок с рифленой площадкой удвоенно-трапецевидной формы от пряжки неизвестного типа происходит из клада в Великих Будках, т. е. из зоны кладов круга Мартыновки (рис. 6: 8; 7: 9; Горюнова 1992: 129, рис. 1: 5).

Тип пряжки из Плейдельсхайма, которому близок экземпляр из Юрьевской Горки, У. Кох относит к 6-й фазе могильников меровингского круга на территории Южной Германии, датированной около 555—580 гг. (Koch 2001: 62,

Рис. 7. Распространение пряжек, имеющих язычок с трапециевидной площадкой, украшенной поперечным рифлением. 1 — Гроспрюфенинг; 2 — Плейдельсхайм; 3 — Диё/Мёз; 4 — Голубице; 5 — Зимно; 6 — Тумяны; 7 — Юрьевская Горка; 8 — Рысна-Сааре; 9 — Великие Будки. Условные обозначения: а — пряжки с овальной рамкой; b — язычок с трапециевидной площадкой с поперечным рифлением; с — пряжка с четырёхугольной рамкой; d — стрелкой указано положение культур и культурных групп лесной зоны.

Fig. 7. Distribution map of buckles with trapezoidal shield with crosswise at the base of the tongue from the second half of the 6th and from the 7th century. 1 — Großprüfening; 2 — Pleidelsheim; 3 — Dieû/Meuse; 4 — Holubice; 5 — Zimno; 6 — Tumiany; 7 — Jurjevskaja Gorka; 8 — Rysna Saare; 9 — Velikije Budki. Legend: a — buckles with oval shaped frame; b — trapezoidal shield with crosswise grooves at the base of the tongue; c — buckle with rectangular frame; d — direction of the arrow: shows the position of the forest-zone cultures.

85 и далее, Abb. 23). Г. Лосерт схожие пряжки (варианта 8 по его классификации — с гладкой трапециевидной площадкой у основания язычка) датирует 550—575 гг. (Losert, Pleterski 2003: 209, Abb. 38: 24—26; Losert 2011: 478 и далее). Пряжки из Рысна-Сааре II и Юрьевской Горки отнесены к периоду ПА культуры псковских длинных курганов, датированному 2-й половиной VI — VII вв. (Исланова 2016: 150, рис. 29: период ПА; Михайлова 2011: 531, рис. 2: 2). В.И. Кулаков, связывал пряжку из Тумян с Западной и Центральной Европой и датировал около 525 г. (Кулаков 1989: 162). В.В. Аулих (1972: 61) находит пряжке из Зимно аналогии в аламанских могильниках на территории Бюртемберга, датированных от 2-й половины VI до VII вв. Самую позднюю дату имеет язычок изклада в Великих Будках, сокрытие которого было отнесено к самому концу VII в.,

а может быть, даже к чуть более позднему времени (Горюнова 1992: 129, рис. 1: 5).

О дальних контактах между Центральной Европой или районом Мазурского поозерья и культурами лесной зоны Восточной Европы (рис. 7) уже говорилось выше в связи с трапециевидными подвесками. Выразительные следы ремесленной деятельности по обработке цветных металлов на поселении Юрьевская Горка (Исланова 2016: 157—158) не исключают возможности производства местных вариантов изделий центральноевропейского круга в восточноевропейской среде.

Об дальних торговых и культурных контактах славян, на этот раз с Прибалтикой, могут свидетельствовать и очень редкие находки янтаря на памятниках ККПТ.

В сохранившейся документации есть упоминание о находке янтаря в могиле с трупосожжением XIX из могильника Пржитлуки.

Эта могила была обнаружена в слое гумуса над «гравием». В нижней части урны, среди небольшого скопления сожжённых человеческих костей, были найдены «фрагмент янтаря, двойная чёрная бусина с тремя глазами (голубыми на белом фоне), три бусины из цветного стекла, поврежденные в огне, остатки расплавленного украшения жёлтого цвета (возможно, бусины), прикипевшего к косточке, и угольки». Среди сохранившихся находок эти выделить не удалось, поэтому нельзя определить, янтарь был представлен в виде сырья, полуфабриката или фрагмента бусины. Словосочетание «фрагмент янтаря» может свидетельствовать о том, что если это и была бусина, то, скорее всего, не целая или не обработанная.

Янтарь из могилы XIX в Пржитлуках является третьей известной мне находкой в зоне ККПТ, причем единственной из могилы с трупосожжением. Первой такой находкой является половина янтарной бусины, обнаруженная в жилище 59 на селище Бахуж-16 (Parczewski 1995: 58—59, Abb. 5: 5) в Юго-Восточной Польше. Так как это была бусина с явными следами ручной обработки, которая представляла собой, вероятно, бракованное изделие, М. Парчевский рассматривал возможность связи этого фрагмента с находками из находящейся на удалении в 40 км мастерской на поселении Свильча, относящемся к финалу пшеворской культуры (1-я половина V в.). Второй находкой является кусок янтаря, по-видимому, балтийского происхождения, из жилища 1071.1 в Розтоках (Kuna, Profantová 2005: 54, 201, obr. XXV: 5, 6; Профантова 2015: 112).

«Фрагмент янтаря» из могилы XIX в Пржитлуках, кусок со срезанной частью поверхности из Розток и, вероятно, повреждённая часть бусины со следами обработки из Бахужа могут рассматриваться как свидетельство импорта янтаря в виде сырья и его обработки в среде носителей ККПТ.

Хотя находки из янтаря в контексте ККПТ очень редки, в предыдущем периоде в Подунавье, в лангобардских могильниках с трупоположениями янтарные бусы неплохо представлены в течение 1-й и начала 2-й половины VI в. на территории Моравии (например: Čižmář 2011: 143, 166, 171, 178, 179, 203; Klanica, Klanicová 2011: 238, 247, 252, 259, 266, 270, 271, 288, 294) и на могильниках в Паннонии, датируемых как около середины VI в., так и немного более ранним временем (например: Bóna 2009: 18, 20; Bóna, Horváth 2009: 33, 34, 38, 39, 46, 50, 56, 66, 116, 128, 137, 139,

141, 144, 145, 147, 153, 154, 155, 156, 164, 166; Vida 2008: Abb. 10; Stadler 2008: 283, Kat. 78; Heinrich-Tamaska 2008: 302, Kat. 105; 2008a: 310). Т. Вида отмечает, что наиболее распространённым украшением лангобардских женщин в Паннонии было ожерелье из стеклянных или янтарных бус (Vida 2008: 83). Важно то, что эти украшения сохраняются у лангобардов и позднее, когда они ушли в Северную Италию, оставив в 568 г. Паннонию (например, Theisen 2008: 392, Kat. 198: 3).

Также на памятниках в долине Дуная близ Регенсбурга У. Кох отмечает наличие янтарных бус только в погребениях VI и начала VII вв. (Koch 1968: 53). Со 2-й четверти VII в. отмечено уменьшение количества бус из янтаря и на могильнике Альтенердинг в Южной Баварии, где, в отличие от комплексов VI в., они встречаются изредка и в небольших количествах. Похожая ситуация прослеживается и на могильнике Клепсау (Losert, Pleterski 2003: 73) на территории Баден-Вюртемберга. С точки зрения обсуждаемой темы важны также находки янтарных бусин из четырёх поздних могил в Штраубинге–Баюваренштрассе, в которых они встречены вместе с трапециевидными подвесками. Это составляет 50% могил с трапециевидными подвесками на этом памятнике, причём в могиле 257 вместе с этими подвесками было найдено 18 янтарных бусин (Geisler 1998a: 73; 1998b: Taf. 68: 45—63).

Янтарные бусы происходят также из сравнительно богатых могил Аварского каганата в Карпатском бассейне, датированных 1-й половиной VII в. (например: Garam 1993: 56, 80, 103, Taf. 9: 6, 7), спорадически их можно найти в некоторых менее богатых могилах на других могильниках этого круга, относящихся к «среднеаварскому» периоду, датируемому около последней трети или четверти VII в. (Garam 1979: 17, 19; Kovrig 1975: 136; Tórk 1975: 333; и др.).

Янтарные бусы есть и вкладах круга Мартыновки, сокрытых во 2-й или 3-й четверти VII в. (Корзухина 1996: 373, 377, 401, 403, 419, табл. 22: 27, 27: 6—22, 47: 4—6; 63: 2—4, 105: 5—7; Гавритухин, Обломский 1996: 45, 46, 146).

Итак, мы видим, что янтарные бусы встречались в конце VI и 1-й половине VII вв. во всех областях, граничащих с ККПТ. Самым простым объяснением значительного большего числа находок янтарных бус в могилах с трупоположением меровингского круга или Аварского каганата, по сравнению с могильными комплексами ККПТ конца VI — середины VII вв., может быть различие в обряде по-

гребения и особенно малое число исследованных могил с трупосожжением ККПТ. Янтарь (нем. Bernstein — «горящий камень») плавится при температуре 287°C (гораздо легче, чем стекло) и горит при 287—375°, причём оставляет малозаметные следы. К сожалению, исследования остатков погребальных костров из раннеславянских могил пока не проводились.

На количество янтарных изделий (не только в ККПТ) могла повлиять также высокая стоимость янтаря. На его высокую цену, например, в Римской империи, указывает выражение одного из друзей императора Нерона, который, говорят, в 60 г. н. э. заявил, что рабыню можно купить дешевле, чем кусок янтаря (<http://www.mingeo.wz.cz/geostezka/geoZajimavost015.htm>).

На то, что и во время существования ККПТ янтарные изделия имели высокую стоимость и их могли позволить себе только достаточно богатые люди, указывает отмеченное выше сравнительное богатство могил с янтарными бусами в Аварском каганате (Garam 1993: 56, 80, 103, Taf. 9: 6, 7), в могилах меровингского круга, таких, как Штраубинг. Клады круга Мартыновки, по мнению И. О. Гавритухина и А. М. Обломского, также связаны с элитной частью носителей пеньковской и колочинской культур (Гавритухин, Обломский 1996: 145)⁷.

Уменьшение числа находок янтарных бус с середины VII в., по-видимому, связано с упомянутыми выше культурными и политическими изменениями, происходившими в Европе в середине — 3-й четверти VII в.

Литература

- Ахмедов И. Р. 2010. Проблема «финального» периода культуры рязано-окских финнов (к современному состоянию вопроса). *Археология Восточной Европы в I тысячелетии н. э. Проблемы и материалы*. РСМ 13. Москва: ИА РАН, 7—34.
- Ауліх В. В. 1972. *Зимнівське городище (слов'янська пам'ятка VI—VII ст. н. е. в Західній Волині)*. Київ: Наукова думка.
- Белоцерковская И. В. 2014. Женский костюм окских финнов V—VII вв. Традиции и новации. В: Обломский А. М. (отв. ред.). *Проблемы взаимодействия населения Восточной Европы в эпоху Великого переселения народов*. РСМ 15. Москва: ИА РАН, 178—229.
- Воронков А. М. 2016. Памятники мощинской культуры в третьей четверти I тыс. н. э. В: Обломский А. М., Исланова И. В. (ред.). *Раннесредневековые древности лесной зоны Восточной Европы (V—VII вв.)*. РСМ 17. Москва: ИА РАН, 221—260.
- Воронина Р. Ф., Зеленцова О. В., Энговатова А. В. 2005. *Никитинский могильник. Публикация материалов раскопок 1977—1978 гг.* Труды отдела охраняемых раскопок ИА РАН 3. Москва: ИА РАН.
- Гавритухин И. О. 1997. Маленькие трапецевидные подвески с полоской из прессованных точек по нижнему краю. *ГАЗ* 12, 43—58.
- Гавритухин И. О., Обломский А. М. 1996. *Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст*. РСМ 3. Москва: ИА РАН.
- Горюнова В. М. 1992. Новый клад антского времени из Среднего Поднепровья. *АВ* 1, 126—140.
- Елинкова Д. 2015. К изучению культуры с керамикой пражского типа на территории Моравии: формирование и особенности. *Stratum plus* (5), 117—150.
- Исланова И. В. 1997. *Удомельское поозерье в эпоху железа и раннего средневековья*. Москва: Эдиториал УРСС.
- Исланова И. В. 2016. Раннесредневековые группы памятников на северо-западе Восточной Европы. В: Обломский А. М., Исланова И. В. (ред.). *Раннесредневековые древности лесной зоны Восточной Европы (V—VII вв.)*. РСМ 17. Москва: ИА РАН, 136—220.
- Казанский М. М. 1999. О балтах в лесной зоне России в эпоху Великого переселения народов. *АВ* 6, 404—417.
- Казанский М. М. 2014. Археологическая ситуация в Среднем Поднепровье в VII в. В: Обломский А. М. (отв. ред.). *Проблемы взаимодействия населения Восточной Европы в эпоху Великого переселения народов*. РСМ 15. Москва: ИА РАН, 45—137.
- Корзухина Г. Ф. 1996. Клады и случайные находки вещей круга «древностей антов» в Среднем Поднепровье. *МАИЭТ V*, 352—435.
- Кренке Н. А. 2016. Позднелужицкая культура на территории бассейна Москва-реки. В: Обломский А. М., Исланова И. В. (ред.). *Раннесредневековые древности лесной зоны Восточной Европы (V—VII вв.)*. РСМ 17. Москва: ИА РАН, 261—332.
- Кулаков В. И. 1990. Могильники западной части Мазурского поозерья конца V — начала VIII вв. (по материалам раскопок 1878—1938 гг.). *Barbaricum* 1989. Warszawa, 148—275.
- Михайлова Е. Р. 2011. Хронология и периодизация вещевого комплекса культуры псковских длинных курганов. В: Шаров О. В. (ред.). *Петербургский апокриф. Послание от Марка*. Санкт-Петербург: Кишинев: Stratum Plus, 527—554.
- Михайлова Е. Р. 2014. *Вещевой комплекс культуры псковских длинных курганов. Типология и хронология*. Саарбрюккен: Lambert Academic Publishing.
- Михайлова Е. Р. 2016. Памятники культуры псковских длинных курганов близ деревни Березицы. В: Обломский А. М., Исланова И. В. (ред.). *Раннесредневековые древности лесной зоны Восточной Европы (V—VII вв.)*. РСМ 17. Москва: ИА РАН, 395—417.

⁷ Элита понимается как социальный слой, определяющий развитие общества. В данном случае она могла напоминать, например, бондов в Скандинавии в эпоху викингов (пояснения И. О. Гавритухина).

- Обломский А.М. 2015. Этнокультурные и социальные компоненты населения Острой Луки Дона в гуннское время (вместо заключения). В: Обломский А.М. (отв. ред.). *Острая Лука Дона в древности. Археологический комплекс памятников гуннского времени у с. Ксизово (конец IV—V вв.)*. РСМ 16. Москва: ИА РАН, 296—308.
- Обломский А.М., Козмирчук И.А. 2015. Могильник гуннского времени Ксизово-19. В: Обломский А.М. (отв. ред.). *Острая Лука Дона в древности. Археологический комплекс памятников гуннского времени у с. Ксизово (конец IV—V вв.)*. РСМ 16. Москва: ИА РАН, 134—164.
- Профантова Н. 2015. Славяне на территории Чехии и их контакты в VI—VII вв. *Stratum plus* (5), 97—116.
- Рафалович И.А. 1972а. *Славяне VI—IX веков в Молдавии*. Кишинев: Штиинца.
- Рафалович И.А. 1972б. Раскопки раннеславянского поселения VI—VII вв. н.э. у села Селиште. В: Рафалович И.А. (отв. ред.). *Археологические исследования в Молдавии в 1968—1969 гг.* Кишинев: Штиинца, 122—143.
- Bemman J., Wesely-Arents E.M. 2005. *Liebersee. Ein polykulturellen Bestattungsort an der sächsischen Elbe*. Band 5. Dresden: Landesamt für Archäologie mit Landesmuseum für Vorgeschichte.
- Bóna I. 2009. Bezenye-Papré. In: Bóna I., Horváth J.B. *Langobardische Gräberfelder in West-Ungarn. Monumenta Germanorum Archaeologica Hungariae* 6. Budapest: Magyar Nemzeti Múzeum, 15—25.
- Bóna I., Horváth J.B. 2009. *Langobardische Gräberfelder in West-Ungarn. Monumenta Germanorum Archaeologica Hungariae* 6. Budapest: Magyar Nemzeti Múzeum.
- Čižmář M. 1997. Langobardský sídlištní objekt z Podolí, okr. Brno-venkov. K problematice langobardských sídlišť na Moravě. *Archeologické rozhledy* 49, 634—642.
- Čižmář M. 2011. Das Gräberfeld von Holubice. In: Tejral J. (ed.). *Langobardische Gräberfelder in Mähren I*. Brno, 129—224.
- Daim F., Lippert A. 1984. *Das awarische Gräberfeld von Sommerein am Leithagebirge*. Wien: Österreichischen Akademie der Wissenschaften.
- Garam E. 1979. *Das awarenzeitliche Gräberfeld von Kisköre*. Fontes archaeologici Hungariae. Aedes Academiae Scientiarum Hungaricae Budapestini MCMLXXIX. Budapest: Akademiai Kiadó.
- Garam E. 1993. *Katalog der awarenzeitlichen Goldgegenstände und der Fundstücke aus den Fürstengräbern im Ungarischen Nationalmuseum*. Catalogi Musei Nationalis Hungarici. Seria Archeologica I. Budapest: Ungarischen Nationalmuseum.
- Garam E. 2001. *Funde byzantinischer Herkunft in der Awarzeit vom Ende des 6. bis zum Ende der 7. Jahrhunderts*. Monumenta Avarorum Archaeologica 5. Budapest: Magyar Nemzeti Múzeum.
- Geisler H. 1998a. *Das frühbairische Gräberfeld Straubing-Bajuwarenstraße I. Katalog archäologischen Befunde und Funde*. Textband. Internationale Archäologie 30. Rahden/Westf.: Leidorf.
- Geisler H. 1998b. *Das frühbairische Gräberfeld Straubing-Bajuwarenstraße I. Katalog archäologischen Befunde und Funde*. Tafelband. Internationale Archäologie 30. Rahden/Westf.: Leidorf.
- Guillaume J. 1975. Les Nécropoles Mérovingiennes de Dieu/Meuse (France). *Acta Praehistorica et Archaeologica* 5/6, 211—349.
- Heinrich-Tamaska O. 2008. Keszthely-Fenékpuszta. Komitat Zala. In: *Die Langobarden. Das Ende der Völkerwanderung*. Katalog zur Ausstellung im Rheinischen LandesMuseum Bonn 22.8.2008—11.1.2009. Bonn; Darmstadt, 291—307.
- Heinrich-Tamaska O. 2008a. Vörs. Komitat Somogy. In: *Die Langobarden. Das Ende der Völkerwanderung*. Katalog zur Ausstellung im Rheinischen LandesMuseum Bonn 22.8.2008—11.1.2009. Bonn; Darmstadt, 308—311.
- Hilberg V. 2009. *Masurische Bügelfibeln. Studien zu den Fernbeziehungen der völkerwanderungszeitlichen Brandgräberfelder von Daumen und Kellaren. Daumen und Kellaren — Tumiany i Kielary*. Band 2. Neumünster: Wachholtz.
- Jelínková D. 2012. K otázce datování počátků kultury s keramikou pražského typu na Moravě. In: *Příspěvek pro 15. mezinárodní sjezd slavistů v Minsku. Přehled výzkumů* 53 (2). Brno, 7—21.
- Jelínková D. 2014. Počátky slovanského osídlení na Moravě. In: Kouřil P. (ed.). *Velká Morava a počátky křesťanství*. Brno, 23—32.
- Kazanski M. 2000. Les Slaves dans la zone forestière d'Europe orientale au début du moyen âge. In: Kazanski M., Nercessian A., Zuckerman C. (eds.). *Les centres proto-urbains russes entre Scandinavie, Byzance et Orient. Réalités Byzantines* 7. Paris: Éditions P. Lethielleux, 17—44.
- Kiss A. 1977. *Avar Cemeteries in Country Baranya*. Budapest: Akademiai Kiado.
- Kiss A. 1996. *Das awarenzeitlich gepidische Gräberfeld von Kolked-Feketekapu*. Innsbruck: Universitätsverlag Wagner.
- Kiss G., Somogyi P. 1984. *Tolna megyei avar temetők. Budapestini. Dissertationes Pannonicae. Series III. Vol. 2*. Budapest.
- Klanica Z. 1995. Zue Periodisierung vorgrossmährischer Funde aus Mikulčice. In: Daim F., Poláček L. (Hrsg.). *Studien zum Burgwall von Mikulčice I*. Spisy Archeologického ústavu AV ČR Brno 2. Brno, 379—469.
- Klanica Z. 2008. *Mutěnice-Zbrod. Zaniklé sídliště ze 7.—10. století*. Spisy Archeologického ústavu AV ČR Brno 36. Brno.
- Klanica Z., Klanicová S. 2011. Das langobardische Gräberfeld von Lužice (Bez. Hodonín). In: Tejral J. (ed.). *Langobardische Gräberfelder in Mähren I*, 225—312. Brno.
- Koch U. 1968. *Die Grabfunde der Merowingerzeit aus dem Donautal um Regensburg*. GDV Ser. A, Bd. X. Berlin.
- Koch U. 2001. *Das alamannisch-fränkische Gräberfeld bei Pleidelsheim*. Forschungen und Berichte zur Vor- und Frühgeschichte in Baden-Württemberg 60. Stuttgart.
- Kovrig I. 1963. Das awarenzeitlich gepidisch Gräberfeld von Allatyán. *ArchHung*. XL. Budapest.
- Kovrig I. 1975. The Dévaványa Cemetery. In: Garam E., Kovrig I., Szabó J. Gy., Török Gy. *Avar Finds in the Hungarian National Museum. Cemeteries of the Avar Period (567—829) in Hungary I*. Budapest, 121—155.
- Kuna M., Profantová N. 2005. *Počátky raného středověku v Čechách. Archeologický výzkum sídelní aglomerace kultury pražského typu v Roztokách*. Praha: Archeologický ústav AV ČR.
- Landenbauer-Orel H. 1960. *Linz-Zizlau. Das bairische Gräberfeld an der Traumündung*. Wien; München: Anton Schroll & Co.
- Losert H. 2011. Das Brandgräberfeld von Regensburg-

- Großprüfening und die frühen Slawen in Pannonien. In: Heinrich-Tamaska O. (ed.). *Keszthely-Fenekpuszta im Kontext spätantiker Kontinuitätsforschung zwischen Noricum und Moesia*. Castellum Pannonicum Pelsonense 2. Budapest; Leipzig; Keszthely; Rahden/Westf.: Verlag Marie Leidorf, 475—487.
- Losert H., Pleterski A. 2003. *Altenering in Oberbayern. Struktur des frühmittelalterlichen Gräberfeldes und «Ethnogenese» der Bajuwaren*. Berlin; Bamberg; Ljubljana: Verlag ZRC.
- Nagy M. 1998. *Awarenzeitliche Graberfeld im Stadtgebiet von Budapest*. Vol. I, II. Monumenta Avarorum Archaeologica. Budapest.
- Papp L. 1963. A Bolyi avarkori temető I. Első közlemény. *JPMÉ* 7, 163—193.
- Parczewski M. 1988. *Początki kultury wczesnosłowiańskiej w Polsce. Krytyka i datowanie źródeł archeologicznych*. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk; Łódź.
- Parczewski M. 1995. Bachórz. Województwo Przemyśl, Gemeinde Dynów, Fundstelle 16. Mehrkulturen-siedlung. In: *Recherches archeologiques de 1991 et 1992*. Kraków, 51—60.
- Pekarskaja L.V., Kidd D. 1994. *Der Silberschatz von Martynovka (Ukraine) aus dem 6. und 7. Jahrhundert*. Monographien zur Frühgeschichte und Mittelarchäologie 1. Innsbruck.
- Profantová N. 2013. Náhrdelníky byzantského (?) původu a bronzové kruhové ozdoby ve slovanském prostředí 6.—7. století. K interkulturním vztahům. *Památky archeologické* CIV, 149—182.
- Poláček L. 2008. Mikulčice und Awaren. Zur Interpretation «awarischer» Funde von Mikulčice. In: *Kultruwandel in Mitteleuropa. Langobarden — Awaren — Slawen*. Akten der Internationalen Tagung in Bonn, 25.—28. 2. 2008. Kolloquien zur Vor- und Frühgeschichte 11. Bonn, 579—589.
- Rudnicki M. 2010. Zawieszki trapezowate z terenu grupy olsztyńskiej-świadection kontaktów ze Słowianami? Archeologia barbarov 2009 dárstvo Germánov. In: Beljak J., Březinová G., Varsík V. (eds.). *Sídli-skové a ekonomické štruktúry od neskorej doby la-ténskej po včasný stredovek*. Nitra, 669—686.
- Sós A. Cs. 1958. Das frühawarenzeitliche Gräberfeld von Oroszlány. *Folia Archaeologica* X, 105—124.
- Sós A. Cs. 1962. Vorläufige Mitteilungen über die Asgraben in Pókaszepetk. *Folia Archaeologica* XIV, 67—82.
- Sós A. Cs. 1963. Archäologischer Nachlaß der awarenzeitlichen Slawen. *Slavia antiqua* X, 301—329.
- Stadler H. 1998. Die Siedlungsgeschichte von Oberlien-z nach den archäologischen Zeugnissen. In: *Oberlien-z in Geschichte und Gegenwart*. Oberlien-z, 9—25.
- Stadler P. 2008. Mödling. Bezirkshauptmannschaft Mödling. In: *Die Langobarden. Das Ende der Völkerwan-derung*. Katalog zur Ausstellung im Rheinischen Lan-desMuseum. Bonn. 22.8.2008—11.1.2009. Bonn; Darmstadt, 282—283.
- Szatmári S. 1980. Das Gräberfeld von Oroszlány und seine Stelle in der frühawarenzeitlichen Metallkunst. *Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae* 32, 97—116.
- Theisen U. 2008. Morriene in Campochiaro. Provinz Campobasso, Region Molise. In: *Die Langobar-den. Das Ende der Völkerwanderung*. Katalog zur Ausstellung im Rheinischen LandesMuseum. Bonn. 22.8.2008—11.1.2009. Bonn; Darmstadt, 389—392.
- Tejral J. 2011. Zum Stand der Langobardenforschung im Norddanubischen Raum. In: *Langobardische Grä-berfelder in Mähren I*. Brno, 11—73.
- Török Gy. 1975. The Visznek Cemetery. In: Garam E., Kovrig I., Szabó J. Gy., Török Gy. *Avar Finds in the Hungarian National Museum. Cemeteries of the Avar Period (567—829) in Hungary I*. Budapest, 321—345.
- Vida T. 2008. Die Langobarden in Pannonien. In: *Das Ende der Völkerwanderung. Katalog zur Ausstellung im Rheinischen LandesMuseum*. Bonn 22.8.2008—11.1.2009. Bonn; Darmstadt, 73—90.

References

- Akhmedov, I.R. 2010. In: Islanova, I.V., Rodinkova, V.E. (eds.). *Arkheologiiia Vostochnoi Evropy v I tysiacheletii n.e.: problemy i materialy (Archaeology of the Eastern Eu-rope in the I Millennium AD: Problems and Materials)*. Series: Ranneslavianskii mir. Arkheologiiia slavian i ikh sosedei (Early Slavic World. Archaeology of Slavs and Their Neighbors) 13. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 7—34 (in Russian).
- Aulikh, V.V. 1972. *Zymnyvs'ke horodyshche: slov'yanska pam'yatka VI—VII st. n. e. v Zakhidnij Volyni (Zimne Fortified Site: Slavic Site of 6th—7th Centuries AD in Western Volhynia)*. Kiev: "Naukova dumka" Publ. (in Ukrainian).
- Belotserkovskaia, I.V. 2014. In: Oblonskii, A.M. (ed.). *Problemy vzaimodeistviia naseleniia Vostochnoi Evropy v epokhu Velikogo pereseleniia narodov (Interaction between Eastern European Populations during the Great Migrations)*. Series: Ranneslavianskii mir. Arkheologiiia slavian i ikh sosedei (Early Slavic World. Archaeology of Slavs and Their Neighbors) 15. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 178—229 (in Russian).
- Voronkov, A.M. 2016. In: Oblonskii, A.M., Islanova, I.V. (eds.). *Rannesrednevekovye drevnosti lesnoi zony Vostochnoi Evropy (V—VII vv.) (Early Medieval Antiquities of the Forest Zone of Eastern Europe)*. Series: Ranneslavianskii mir. Arkheologiiia slavian i ikh sosedei (Early Slavic World. Archaeology of Slavs and Their Neighbors) 17. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 221—260 (in Russian).
- Voronina, R.F., Zelentsova, O.V., Engovatova, A.V. 2005. *Nikitinskii mogil'nik: Publikatsiia materialov raskopok 1977—1978 gg. (Nikitinskiy Cemetery. Materials of the 1977—1978 Excavations)*. Series: Proceedings of the Department of Rescue Excavations, Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences 3. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences (in Russian).
- Gavritukhin, I.O. 1997. In *Historychna-arkhealohichny zbornik (Historico-Archaeological Collected Works)* 12, 43—58 (in Russian).
- Gavritukhin, I.O., Oblonskii, A.M. 1996. *Gaponovskii klad i ego kul'turno-istoricheskii kontekst*. Series: Ranneslavianskii mir. Arkheologiiia slavian i ikh sosedei (Early Slavic World. Archaeology of Slavs and Their Neighbors) 3. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences (in Russian).
- Goriunova, V.M. 1992. In *Arkheologicheskies vesti (Archaeological News)* 1, 126—140 (in Russian).
- Jelínková, D. 2015. In *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology* (5), 117—150 (in Russian).
- Islanova, I.V. 1997. *Udomel'skoe poozer'e v epokhu zheleza i ran-nego srednevekov'ia (Udomlya Lake District in the Iron Age and Early Middle Ages)*. Moscow: "Editorial URSS" Publ. (in Russian).
- Islanova, I.V. 2016. In: Oblonskii, A.M., Islanova, I.V. (eds.). *Rannesrednevekovye drevnosti lesnoi zony Vostochnoi Evropy (V—VII vv.) (Early Medieval Antiquities of the Forest Zone of Eastern Europe)*. Series: Ranneslavianskii mir. Arkhe-

- ologia slavian i ikh sosedei (Early Slavic World. Archaeology of Slavs and Their Neighbors) 17. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 136—220 (in Russian).
- Kazanskii, M. M. 1999. In *Arkheologicheskie vesti* (Archaeological News) 6, 404—417 (in Russian).
- Kazanskii, M. M. 2014. In Oblomskii, A. M. (ed.). *Problemy vzaimodeistviia naseleniia Vostochnoi Evropy v epokhu Velikogo pereseleniia narodov* (Interaction between Eastern European Populations during the Great Migrations). Series: Ranneslavianskii mir. Arkheologiiia slavian i ikh sosedei (Early Slavic World. Archaeology of Slavs and Their Neighbors) 15. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 45—137 (in Russian).
- Korzukhina, G. F. 1996. In *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* (Materials on the Archaeology, History and Ethnography of Tauria) V, 352—435 (in Russian).
- Krenke, N. A. 2016. In Oblomskii, A. M., Islanova, I. V. (ed.). *Rannesrednevekove drevnosti lesnoi zony Vostochnoi Evropy (V—VII vv.)* (Early Medieval Antiquities of the Forest Zone of Eastern Europe). Series: Ranneslavianskii mir. Arkheologiiia slavian i ikh sosedei (Early Slavic World. Archaeology of Slavs and Their Neighbors) 17. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 261—332 (in Russian).
- Kulakov, V. I. 1990. In *Barbaricum* 1989. Warszawa, 148—275 (in Russian).
- Mikhailova, E. R. 2011. In Sharov, O. V. (ed.). *Peterburgskii apokrif. Poslanie ot Marka* (Saint-Petersburg Apocrypha. Epistle of Mark). Saint Petersburg: Kishinev: Stratum Plus, 527—554 (in Russian).
- Mikhailova, E. R. 2014. *Veshchevoi kompleks kul'tury pskovskikh dlinnykh kurganov: tipologiiia i khronologiiia* (Material Complex of the Culture of Pskov Long Barrows: Typology and Chronology). Saarbrücken: Lambert Academic Publishing (in Russian).
- Mikhailova, E. R. 2016. In Oblomskii, A. M., Islanova, I. V. (eds.). *Rannesrednevekove drevnosti lesnoi zony Vostochnoi Evropy (V—VII vv.)* (Early Medieval Antiquities of the Forest Zone of Eastern Europe). Series: Ranneslavianskii mir. Arkheologiiia slavian i ikh sosedei (Early Slavic World. Archaeology of Slavs and Their Neighbors) 17. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 395—417 (in Russian).
- Oblomskii, A. M. 2015. In Oblomskii, A. M. (ed.). *Ostraya Luka Dona v drevnosti. Arkheologicheskii kompleks pamiatnikov gunnskogo vremeni u s. Ksizovo (konets IV—V vv.)* (Ostraya Luka of the Don River in Antiquity: Archaeological Complex of the Hun Period near the Ksizovo Village, Late 4th — 5th Centuries). Series: Ranneslavianskii mir. Arkheologiiia slavian i ikh sosedei (Early Slavic World. Archaeology of Slavs and Their Neighbors) 16. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 296—308 (in Russian).
- Oblomskii, A. M., Kozmirschuk, I. A. 2015. In Oblomskii, A. M. (ed.). *Ostraya Luka Dona v drevnosti. Arkheologicheskii kompleks pamiatnikov gunnskogo vremeni u s. Ksizovo (konets IV—V vv.)* (Ostraya Luka of the Don River in Antiquity: Archaeological Complex of the Hun Period near the Ksizovo Village, Late 4th — 5th Centuries). Series: Ranneslavianskii mir. Arkheologiiia slavian i ikh sosedei (Early Slavic World. Archaeology of Slavs and Their Neighbors) 16. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 134—164 (in Russian).
- Profantová, N. 2015. In *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology* (5), 97—116 (in Russian).
- Rafalovich, I. A. 1972. *Slaviane VI—IX vekov v Moldavii* (The Slavs in 6th—9th Centuries in Moldavia). Kishinev: “Știința” Publ. (in Russian).
- Rafalovich, I. A. 1972. In Rafalovich, I. A. (ed.). *Arkheologicheskie issledovaniia v Moldavii v 1968—1969 gg.* (Archaeological Investigations in Moldova in 1968—1969). Kishinev: “Știința” Publ., 122—143 (in Russian).
- Bemman, J., Wesely-Arents, E. M. 2005. *Liebersee. Ein polykulturellen Bestattungsort an der sächsischen Elbe*. Band 5. Dresden: Landesamt für Archäologie mit Landesmuseum für Vorgeschichte.
- Bóna, I. 2009. Bezenye-Papret. In Bóna, I., Horváth, J. B. *Langobardische Gräberfelder in West-Ungarn*. Monumenta Germanorum Archaeologica Hungariae 6. Budapest: Magyar Nemzeti Múzeum, 15—25.
- Bóna, I., Horváth, J. B. 2009. *Langobardische Gräberfelder in West-Ungarn*. Monumenta Germanorum Archaeologica Hungariae 6. Budapest: Magyar Nemzeti Múzeum.
- Čižmář, M. 1997. Langobardský sídlištní objekt z Podolí, okr. Brno-venkov. K problematice langobardských sídlišť na Moravě. *Archeologické rozhledy* 49, 634—642.
- Čižmář, M. 2011. Das Gräberfeld von Holubice. In Tejral J. (ed.). *Langobardische Gräberfelder in Mähren I*. Brno, 129—224.
- Daim, F., Lippert, A. 1984. *Das awarische Gräberfeld von Sommerin am Leithagebirge*. Wien: Österreichischen Akademie der Wissenschaften.
- Garam, E. 1979. *Das awarenzeitliche Gräberfeld von Kisköre*. Fontes archaeologici Hungariae. Aedes Academiae Scientiarum Hungaricae Budapestini MCMLXXXIX. Budapest: Akademiai Kiadó.
- Garam, E. 1993. *Katalog der awarenzeitlichen Goldgegenstände und der Fundstücke aus den Fürstengräbern im Ungarischen Nationalmuseum*. Catalogi Musei Nationalis Hungarici. Seria Archeologica I. Budapest: Ungarischen Nationalmuseum.
- Garam, E. 2001. *Funde byzantinischer Herkunft in der Awarenzeit vom Ende des 6. bis zum Ende des 7. Jahrhunderts*. Monumenta Avarorum Archaeologica 5. Budapest: Magyar Nemzeti Múzeum.
- Geisler, H. 1998. *Das frühbairische Gräberfeld Straubing-Bajuwarenstraße I. Katalog archäologischen Befunde und Funde*. Textband. Internationale Archäologie 30. Rahden/Westf.: Leidorf.
- Geisler, H. 1998. *Das frühbairische Gräberfeld Straubing-Bajuwarenstraße I. Katalog archäologischen Befunde und Funde*. Tafelband. Internationale Archäologie 30. Rahden/Westf.: Leidorf.
- Guillaume, J. 1975. Les Nécropoles Mérovingiennes de Dieu/Meuse (France). *Acta Praehistorica et Archaeologica* 5-6, 211—349.
- Heinrich-Tamaska, O. 2008. Keszthely-Fenékpuszta. Komitat Zala. In *Die Langobarden. Das Ende der Völkerwanderung*. Katalog zur Ausstellung im Rheinischen Landes-Museum Bonn 22.8.2008—11.1.2009. Bonn; Darmstadt, 291—307.
- Heinrich-Tamaska, O. 2008. Vörs. Komitat Somogy. In *Die Langobarden. Das Ende der Völkerwanderung*. Katalog zur Ausstellung im Rheinischen Landes-Museum Bonn 22.8.2008—11.1.2009. Bonn; Darmstadt, 308—311.
- Hilberg, V. 2009. *Masurische Bügelfibeln. Studien zu den Fernbeziehungen der völkerwanderungszeitlichen Brandgräberfelder von Daumen und Kellaren. Daumen und Kellaren — Tumiany i Kielary*. Band 2. Neumünster: Wachholtz.
- Jelínková, D. 2012. K otázce datování počátku kultury s keramikou pražského typu na Moravě. In *Příspěvek pro 15. mezinárodní sjezd slavistů v Minsku*. Přehled výzkumů 53 (2). Brno, 7—21.
- Jelínková, D. 2014. Počátky slovanského osídlení na Moravě. In Kouřil P. (ed.). *Velká Morava a počátky křesťanství*. Brno, 23—32.
- Kazanski, M. 2000. Les Slaves dans la zone forestière d'Europe orientale au début du moyen âge. In Kazanski, M., Nercessian, A., Zuckerman, C. (eds.). *Les centres proto-urbains russes entre Scandinavie, Byzance et Orient*. Réalités Byzantines 7. Paris: Éditions P. Lethielleux, 17—44.
- Kiss, A. 1977. *Avar Cemeteries in Country Baranya*. Budapest: Akademiai Kiado.
- Kiss, A. 1996. *Das awarenzeitlich gepidische Gräberfeld von Kölked-Feketekapu*. Innsbruck: Universitätsverlag Wagner.
- Kiss, G., Somogyi, P. 1984. *Tolna megyei avar temetők*. Budapestini. Dissertationes Pannonicae. Series III. Vol. 2. Budapest.
- Klanica, Z. 1995. Zur Periodisierung vorgrossmährischer Funde aus Mikulčice. In Daim, F., Poláček, L. (Hrsg.). *Studien zum Burgwall von Mikulčice I*. Spisy Archeologického ústavu AV ČR Brno 2. Brno, 379—469.

- Klanica, Z. 2008. *Mutěnice-Zbrod. Zaniklé sídliště ze 7. — 10. století*. Spisy Archeologického ústavu AV ČR Brno 36. Brno.
- Klanica, Z., Klanicová, S. 2011. Das langobardische Gräberfeld von Lužice (Bez. Hodonín). In Tejral, J. (ed.). *Langobardische Gräberfelder in Mähren I*, 225—312. Brno.
- Koch, U. 1968. *Die Grabfunde der Merowingerzeit aus dem Donautal um Regensburg*. GDV Ser. A, Bd. X. Berlin.
- Koch, U. 2001. *Das alamannisch-fränkische Gräberfeld bei Pleidelsheim*. Forschungen und Berichte zur Vor- und Frühgeschichte in Baden-Württemberg 60. Stuttgart.
- Kovrig, I. 1963. Das awarenzeitlich gepidisch Gräberfeld von Allatyán. *ArchHung*. XL. Budapest.
- Kovrig, I. 1975. The Dévaványa Cemetery. In Garam, E., Kovrig, I., Szabó, J. Gy., Török, Gy. *Avar Finds in the Hungarian National Museum. Cemeteries of the Avar Period (567—829) in Hungary I*. Budapest, 121—155.
- Kuna, M., Profantová, N. 2005. *Počátky raného středověku v Čechách. Archeologický výzkum sídelní aglomerace kultury pražského typu v Roztokách*. Praha: Archeologický ústav AV ČR.
- Landenbauer-Orel, H. 1960. *Linz-Zizlau. Das bairische Gräberfeld an der Traumündung*. Wien; München: Anton Schroll & Co.
- Losert, H. 2011. Das Brandgräberfeld von Regensburg-Großprüfening und die frühen Slawen in Pannonien. In Heinrich-Tamaska, O. (ed.). *Keszthely-Fenekpuszta im Kontext spätantiker Kontinuitätsforschung zwischen Noricum und Moesia*. Castellum Pannonicum Pelsonense 2. Budapest; Leipzig; Keszthely; Rahden/Westf.: Verlag Marie Leidorf, 475—487.
- Losert, H., Pleterski, A. 2003. *Altenerding in Oberbayern. Struktur des frühmittelalterlichen Gräberfeldes und «Ethnogenese» der Bajuwaren*. Berlin; Bamberg; Ljubljana: Verlag ZRC.
- Nagy, M. 1998. *Awarenzeitliche Gräberfelder im Stadtgebiet von Budapest*. Vol. I, II. Monumenta Avarorum Archaeologica. Budapest.
- Papp, L. 1963. A Bolyi avarkori temető I. Első közlemény. *JPMÉ* 7, 163—193.
- Parczewski, M. 1988. *Początki kultury wczesnosłowiańskiej w Polsce. Krytyka i datowanie źródeł archeologicznych*. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk; Łódź.
- Parczewski, M. 1995. Bachórz. Woiwodschaft Przemyśl, Gemeinde Dynów, Fundstelle 16. Mehrkultursiedlung. In *Recherches archéologiques de 1991 et 1992*. Kraków, 51—60.
- Pekarskaja, L. V., Kidd, D. 1994. *Der Silberschatz von Martynovka (Ukraine) aus dem 6. und 7. Jahrhundert*. Monographien zur Frühgeschichte und Mittelarchäologie 1. Innsbruck.
- Profantová, N. 2013. Náhrdelníky byzantského (?) původu a bronzové kruhové ozdoby ve slovanském prostředí 6. — 7. století. K interkulturním vztahům. *Památky archeologické CIV*, 149—182.
- Poláček, L. 2008. Mikulčice und Awaren. Zur Interpretation «awarischer» Funde von Mikulčice. In *Kulturwandel in Mitteleuropa. Langobarden — Awaren — Slawen*. Akten der Internationalen Tagung in Bonn, 25. — 28. 2. 2008. Kolloquien zur Vor- und Frühgeschichte 11. Bonn, 579—589.
- Rudnicki, M. 2010. Zawieszki trapezowate z terenu grupy olsztyńskiej-świadectwo kontaktów ze Słowianami? *Archeologia barbarów 2009* dárstvo Germánov. In Beljak, J., Březinová, G., Varsík, V. (eds.). *Sídliskové a ekonomické štruktúry od neskorej doby laténskej po časný stredovek*. Nitra, 669—686.
- Sós, A. Cs. 1958. Das frühawarenzeitliche Gräberfeld von Oroszlány. *Folia Archaeologica X*, 105—124.
- Sós, A. Cs. 1962. Vorläufige Mitteilungen über die Ausgrabungen in Pókaszetek. *Folia Archaeologica XIV*, 67—82.
- Sós, A. Cs. 1963. Archäologischer Nachlaß der awarenzeitlichen Slawen. *Slavia antiqua X*, 301—329.
- Stadler, H. 1998. Die Siedlungsgeschichte von Oberlienz nach den archäologischen Zeugnissen. In *Oberlienz in Geschichte und Gegenwart*. Oberlienz, 9—25.
- Stadler, P. 2008. Mödling. Bezirkshauptmannschaft Mödling. In *Die Langobarden. Das Ende der Völkerwanderung*. Katalog zur Ausstellung im Rheinischen LandesMuseum. Bonn. 22.8.2008—11.1.2009. Bonn; Darmstadt, 282—283.
- Szatmári, S. 1980. Das Gräberfeld von Oroszlány und seine Stelle in der frühawarenzeitlichen Metallkunst. *Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae* 32, 97—116.
- Theisen, U. 2008. Morrión in Campochiaro. Provinz Campobasso, Region Molise. In *Die Langobarden. Das Ende der Völkerwanderung*. Katalog zur Ausstellung im Rheinischen LandesMuseum. Bonn. 22.8.2008—11.1.2009. Bonn; Darmstadt, 389—392.
- Tejral, J. 2011. Zum Stand der Langobardenforschung im Norddanubischen Raum. In *Langobardische Gräberfelder in Mähren I*. Brno, 11—73.
- Török, Gy. 1975. The Visznek Cemetery. In Garam, E., Kovrig, I., Szabó, J. Gy., Török, Gy. *Avar Finds in the Hungarian National Museum. Cemeteries of the Avar Period (567—829) in Hungary I*. Budapest, 321—345.
- Vida, T. 2008. Die Langobarden in Pannonien. In *Das Ende der Völkerwanderung. Katalog zur Ausstellung im Rheinischen LandesMuseum*. Bonn. 22.8.2008—11.1.2009. Bonn; Darmstadt, 73—90.

Статья поступила в сборник 14 сентября 2017 г.

Dagmar Jelínková (Brno, Czech Republic). PhDr., CSc. Institute of Archaeology of the Czech Academy of Sciences, Brno ¹.
Елинкова Дегмар (Брно, Чехия). Доктор истории. Институт археологии Академии наук Чешской Республики в Брно.
E-mail: dagmajeli@seznam.cz

Address: ¹ Čechyňská 363/19, Brno, 60200, Czech Republic

Список сокращений

АА	— Археологический альманах. Донецк.
АВ	— Археологические вести. Санкт-Петербург.
АВУ	— Археологічні відкриття в Україні. Київ.
АГПУ	— Армавирский государственный педагогический университет. Армавир.
АДУ	— Археологія і давня історія України. Київ.
АДУ	— Археологічні дослідження в Україні. Київ.
АИППЗ	— Археология и история Пскова и Псковской земли. Москва; Псков; Санкт-Петербург.
АИУ	— Археологические исследования на Украине. Киев.
АКМ	— Азовский краеведческий музей. Азов.
АЛЛУ	— Археологічний літопис Лівобережної України. Полтава.
АМА	— Античный мир и археология. Саратов.
АН РТ	— Академия наук Республики Татарстан. Казань.
АН СССР	— Академия наук СССР. Москва.
АН УРСР	— Академия наук Української РСР. Київ.
АП УРСР	— Археологічні пам'ятки Української РСР. Київ.
АПП	— Археологические памятники Приднестровья. Тирасполь.
АСГЭ	— Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Ленинград/Санкт-Петербург.
АЭАЕ	— Археология, этнография и антропология Евразии. Новосибирск.
БашГПУ	— Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы. Уфа.
Бе-СА	— Българското е-писание за археология. София.
БИ	— Боспорские исследования. Симферополь; Керчь.
БРЭ	— Большая Российская энциклопедия. Москва.
ВААЭ	— Вестник археологии, антропологии и этнографии. Тюмень.
ВАШ	— Высшая антропологическая школа. Кишинев.
ВГПИ	— Воронежский государственный педагогический институт. Воронеж.
ВГУ	— Воронежский государственный университет. Воронеж.
ВГУ	— Витебский государственный университет. Витебск.
ВДИ	— Вестник древней истории. Москва.
ВолГУ	— Волгоградский государственный университет. Волгоград.
ГАЗ	— Гістарычна-археалагічны зборнік. Мінск.
ГАНИИЯЛ	— Горно-Алтайский научно-исследовательский институт языка и литературы. Горно-Алтайск.
ГИКМ	— Государственный историко-краеведческий музей. Кишинев.
ГИМ	— Государственный исторический музей. Москва.
ГИПЛ	— Государственное издательство политической литературы. Москва.
ГМЗ	— Государственный музей-заповедник.
ГЭ	— Государственный Эрмитаж. Ленинград/Санкт-Петербург.
ДАЗ	— Донецький археологічний збірник. Донецьк.
ДАС	— Донецкий археологический сборник. Донецк.
ДБ	— Древности Боспора. Москва.
ДГУ	— Днепропетровский государственный университет. Днепропетровск.
ДонГТУ	— Донбасский государственный технический университет. Алчевск.
ДонНУ	— Донецкий национальный университет. Донецк.
ДСПК	— Древности Северного Причерноморья и Крыма. Запорожье.
ЕГУ	— Елецкий государственный университет им. И. А. Бунина. Елец.
ЖМНП	— Журнал Министерства народного просвещения. Санкт-Петербург.
ЗГУ	— Запорожский государственный университет. Запорожье.
ЗОРСА	— Записки отделения русской и славянской археологии. Санкт-Петербург.
ЗРАО	— Записки Русского археологического общества. Санкт-Петербург.
ИА НАНУ	— Институт археологии Национальной Академии наук Украины. Киев.
ІА НАНУ	— Інститут археології Національної Академії наук України. Київ.
ІА РАН	— Институт археологии Российской Академии наук. Москва.
ІАА	— Историко-археологический альманах. Армавир; Краснодар; Москва.
ІАИ / І(Б)АИ	— Известия на (Българския) археологически институт. София.
ІАК РАН	— Институт археологии Крыма Российской Академии наук. Симферополь.
ІАП	— Исследования по археологии Поднепровья. Днепропетровск.
ІАЭТ СО РАН	— Институт археологии и этнографии Сибирского отделения Российской Академии наук. Новосибирск.

ИВ РАН	— Институт востоковедения Российской Академии наук. Москва.
ИГАИМК	— Известия Государственной академии истории материальной культуры. Ленинград.
ИИ АН РТ	— Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан. Казань.
ИИМК РАН	— Институт истории материальной культуры Российской Академии наук. Санкт-Петербург.
ИПОС СО РАН	— Институт проблем освоения Севера Сибирского отделения Российской Академии наук. Тюмень.
КГГИ	— Крымский государственный гуманитарный институт. Ялта.
КГОМА	— Курский государственный областной музей археологии. Курск.
КСИА	— Краткие сообщения Института археологии Российской Академии наук. Москва.
КСИА АН УССР	— Краткие сообщения Института археологии Академии наук Украинской ССР. Киев.
КСИИМК	— Краткие сообщения Института истории материальной культуры. Ленинград / Санкт-Петербург.
КСОГАМ	— Краткие сообщения Одесского государственного археологического музея. Одесса.
КубГУ	— Кубанский государственный университет. Краснодар.
КФ ИА НАНУ	— Крымский филиал Института археологии Национальной академии наук Украины. Симферополь.
КФУ	— Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского. Симферополь.
ЛГПИ	— Липецкий государственный педагогический институт. Липецк.
ЛГПУ	— Липецкий государственный педагогический университет. Липецк.
ЛГУ	— Ленинградский государственный университет. Ленинград.
МАИАСК	— Материалы по археологии и истории античного и средневекового Крыма. Севастополь; Тюмень; Нижневартовск.
МАИЭТ	— Материалы по археологии и этнографии Таврии. Симферополь.
МАР	— Материалы по археологии России. Санкт-Петербург.
МАСП	— Материалы по археологии Северного Причерноморья. Одесса.
МГУ	— Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова. Москва.
МДАСУ	— Матеріали та дослідження з археології Східної України. Луганськ.
МИА	— Материалы и исследования по археологии СССР. Москва; Ленинград.
МИАК	— Материалы и исследования по археологии Кубани. Краснодар.
МИАР	— Материалы и исследования по археологии России. Москва.
НА ИА НАНУ	— Научный архив Института археологии Национальной Академии наук Украины. Киев.
НАВ	— Нижневолжский археологический вестник. Волгоград.
НАНУ	— Национальная Академия наук Украины. Киев.
НВГУ	— Нижневартовский государственный университет. Нижневартовск.
НГОМЗ	— Новгородский государственный объединённый музей-заповедник. Великий Новгород.
НГУ	— Новосибирский государственный университет. Новосибирск.
НМИДК	— Новочеркасский музей истории донского казачества. Новочеркасск.
НМЦА ЮФУ	— Научно-методический центр археологии Южного федерального университета. Ростов-на-Дону.
НовГУ	— Новгородский государственный университет. Великий Новгород.
НЭ	— Нумизматика и эпиграфика. Москва.
ОАМ НАНУ	— Одесский археологический музей Национальной Академии наук Украины. Одесса.
ОГПУ	— Оренбургский государственный педагогический университет. Оренбург.
ОНУ	— Одесский национальный университет. Одесса.
ПГУ	— Приднестровский государственный университет им. Т. Г. Шевченко. Тирасполь.
ПСРЛ	— Полное собрание русских летописей.
РА	— Российская археология. Москва.
РАЕ	— Российский археологический ежегодник. Санкт-Петербург.
РАЕН	— Российская академия естественных наук. Москва.
РАН	— Российская Академия наук. Москва.
РАНИОН	— Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук.
РГПУ	— Ростовский государственный педагогический университет. Ростов-на-Дону.
РСМ	— Раннеславянский мир. Москва.
СА	— Советская археология. Москва.
САИ	— Свод археологических источников. Москва; Ленинград.
САИР	— Свод археологических источников России. Москва.
СамГУ	— Самарский государственный университет. Самара.
СГПИ	— Саратовский государственный педагогический институт. Саратов.
СГУ	— Саратовский государственный университет. Саратов.
СНУ	— Східноукраїнський національний університет ім. В. Даля. Луганськ.
СНЦ РАН	— Самарский научный центр Российской Академии наук. Самара.
СОИМК	— Самарский объединённый историко-краеведческий музей им. П. В. Алабина. Самара.
СППІК	— Старожитності Північного Причорномор'я і Криму. Запоріжжя.
ССПІК	— Старожитності Степового Причорномор'я і Криму. Запоріжжя.
СтавГУ	— Ставропольский государственный университет. Ставрополь.
ТГОМ	— Тверской государственный объединённый музей. Тверь.
ТГУ	— Тамбовский государственный университет им. Г. Р. Державина. Тамбов.
ТГЭ	— Труды Государственного Эрмитажа. Ленинград/Санкт-Петербург.

ТГИМ	— Труды Государственного исторического музея. Москва.
ТСАРАНИОН	— Труды секции археологии Российской ассоциации научных институтов общественных наук. Ленинград.
УрГУ	— Уральский государственный университет. Свердловск/Екатеринбург.
УТОПІК	— Українське Товариство охорони пам'яток історії та культури. Київ.
ФАЭ	— Фастовская археологическая экспедиция.
ФДКМ	— Фастівський державний краєзнавчий музей. Фастів.
ХГУ	— Харьковский государственный университет им. А.М. Горького. Харьков.
ХГУ	— Херсонский государственный университет. Херсон.
ХНИИЯЛИ	— Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории. Абакан.
ХОКМ	— Хмельницький обласний краєзнавчий музей. Хмельницький.
ХС	— Херсонесский сборник. Севастополь.
ЧелГУ	— Челябинский государственный университет. Челябинск.
ЮНЦ РАН	— Южный научный центр Российской Академии наук. Ростов-на-Дону.
ЮФУ	— Южный федеральный университет. Ростов-на-Дону.
АЕ	— Archaeologiai Értesítő. Budapest.
AJN	— American Journal of Numismatics. New York.
AK	— Archäologische Korrespondenzblatt. Mainz.
AM	— Arheologia Moldovei. Iași.
AP	— Archeologia Polski. Warszawa.
AV ČR	— Akademie Věd České Republiky. Praha.
BCH	— Bulletin de correspondance hellénique. Paris.
BPS	— Baltic-Pontic Studies. Poznań.
BSS	— Black Sea Studies. Aarhus.
CA	— Cercetări arheologice. București.
FA	— Folia Archaeologica. Budapest.
IPC AŞM	— Institutul Patrimoniului Cultural al Academiei de Ştiinţe a Moldovei. Chişinău.
JAS	— Journal of Archaeological Science. New York.
MA	— Memoria Antiquitatis. Piatra-Neamţ.
MCA	— Materiale şi cercetări arheologice. Bucureşti.
MSROA	— Materiały i Sprawozdania Rzeszowskiego Ośrodka Archeologicznego. Rzeszów.
PAU	— Polska Akademia Umiejętności. Kraków.
PBF	— Prähistorische Bronzefunde. Stuttgart.
PZ	— Prähistorische Zeitschrift. Berlin.
RA	— Revista arheologică. Chişinău.
SCIV(A)	— Studii şi cercetări de istorie veche (şi arheologie). Bucureşti.
USM	— Universitatea de Stat din Moldova. Chişinău.
ZRC SAZU	— Znanstvenoraziskovalni center Slovenske akademije znanosti in umetnosti. Ljubljana.